

Любовный
ИСТОРИЧЕСКИЙ РОМАН

Елена
АРСЕНЬЕВА
ЛЮБОВНЫЕ
ЧАРЫ

Елена Арсеньева
Любовные чары

«Автор»

2008

Арсеньева Е. А.

Любовные чары / Е. А. Арсеньева — «Автор», 2008

"Русская кузина" Марина Бахметева, вдруг появившаяся в замке лорда Десмонда Маккола, мало кому пришлась по душе. Пуще всех сторонится ее сам хозяин. И никто не знает, что Марина - никакая не кузина ему, а венчанная жена, однако брак их свершился при таких странных обстоятельствах, что супруги тщательно скрывают его, как скрывают даже от себя любовь, владеющую их сердцами. Интриги, колдовство, предательство опутывают Марину и Десмонда. Бурные волны событий то разносят их в разные стороны, то бросают в объятия друг к другу. И постепенно Марина начинает понимать: есть на земле сила, которая преодолагает все беды. Имя ей - любовь! Ранее роман «Любовные чары» выходил под названием «Страшное гадание».

© Арсеньева Е. А., 2008

© Автор, 2008

Содержание

Жених или черт?	5
Заморский кузен	9
Английский рыцарь Ланселот	14
Что посеешь, то и пожнешь	18
Уроки жизни	23
Честь лорда Маккола	28
Леди Маккол	34
Родственники и родственницы	38
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Елена Арсеньева

Любовые чары

Длиннее дороги лишь ветер один,

И глубже любовь

Всех подводных глубин!

Баллада о загадках

Жених или черт?

«Пожалуй, на коровьей шкуре было бы надежней!» – сердито подумала Марина, зябко поводя плечами: из-под двери немилосердно несло по ногам. И усмехнулась: на коровьей-то шкуре она еще пуще намерзлась бы.

Ведь шкуру следовало непременно снести к проруби в рождественскую вьюжную ночь и там, севши на нее, очертиться кругом, и глядеть в темную воду, и творить заклинания: «Ой вы, духи водяные, укромные, тайные и потайные, черные, рыжие, белые, карие! Возьмите меня, рабу божию Марину, на свои руки сильные и несите хоть по всему белу свету да покажите мне жениха моего нареченного!» Вскорости должна непременно заклубиться вода в проруби, и оттуда покажутся те самые... с рожками, черные да мохнатые. Покорные заклинанию, схватят они за четыре конца коровью шкуру и поднимутся ввысь. Уж тут она подрожала бы на свирепом ветру, ведь нечистая сила небось летит быстрее птицы, даром что называют ее «нележкой»! Впрочем, и ей нелегко пришлось бы: ведь черти, разъяренные тем, что их заставили служить человеку, во что бы то ни стало тщились бы или скинуть ее со шкуры, или заставить хоть пальчик высунуть из охранного круга. Не зря сказано: «Дай черту палец – он всю руку отхватит!» И тогда все, поминай Марину как звали: уволокут ее в подводные и подземные глубины, в самое пекло...

Ой, нет! С зеркалом гадать не так страшно. Вот только сквозняки здесь... Баню топили с утра – теперь она почти выстыла. Хорошо было бы дома, в своей светелке, жарко натопленной! Но дядюшка еще задолго до Рождества велел выдрать всякого, кто осмелится гадать, запретил все, что исстари проделывали красные девицы, желая узнать свою судьбу. А уж он не знал удержу в наказании своих дворовых людей: девок насильственно бесчестил, а мужиков и баб порол нещадно, привязав прежде к кресту, нарочно для сей цели сделанному.

Жена его на сей жестокий блуд смотрела сквозь пальцы: как многие записные грешницы, с наступлением старости сама она обратилась к религии и была теперь украшена сединой и добродетелью, совершая свой туалет исключительно святой водою и ладаном. Да кабы только нравоучительствовала! В изобретательности наказаний для ослушной прислуги она превосходила и мужа, и даже самих работников адовых – разве кто из тех ставил дворовую девку голыми коленками на пол, утыканный гвоздями?

Неудивительно, что ни одна из Марининых сверстниц не осмелилась разделить с барышней ее ночное бдение, пусть и в баньке, притулившейся на окраине огромного сада, скрытой столетними неохватными деревьями и непролазными зарослями шиповника.

Герасим, самый опасный в доме человек после господ, любимый их слуга и отъявленный наушник, громогласно вторил барыне: мол, не задумается прийти ночью в девичью – выискать ослушниц. Девки боязливо отводили глаза: знали, что Герасим не только по-звериному жесток, но и столь же похотлив. Все ему сходило с рук!

Да, страху барин с барыней напустили на все поместье. Однако никакие запреты и угрозы не могли помешать любопытным девушкам, скажем, наесться на ночь соленой капустки до отвала, чтобы ночью мучила их жажда, а воды напиться подал бы им во сне суженый!

Только Марине такое гадание казалось ненастоящей забавой. Уж сколько раз его пробовала, а все попусту: сны растворялись в ночи, поутру она никак не могла их вспомнить. А ведь ей уже девятнадцать, пора узнать, какая ей приурочена участь. И даже ежели суждено остаться вековухой, то следует проведать об сем заранее, чтобы подумать о будущем. Терпение ее от жизни при жестокосердных опекунах истощилось, и, ежели не найдется мужчина, который возьмет на себя заботу о ней, Марина возьмет свою судьбу в свои руки. В конце концов, по завещанию родительскому, она столь богата, что даже самый зажиточный монастырь с радостью примет эти богатства – вместе с их обладательницей. Правда, сказано было в завещании, что Марина может войти во владение состоянием либо при замужестве, либо достигнув двадцатилетия. Один лишь год ей осталось терпеть в своем доме постылых опекунов, а пока и пикнуть не смей. Эх, сбежать бы куда на этот год... Хоть за тридевять земель!

Марина невесело усмехнулась – да и ахнула. Ну о чем она думает? Ведь полночь наступит с минуты на минуту, а у нее еще ничего не готово!

Она схватила зеркало, тайком унесенное из светелки, прислонила его к чурбачку, поставила рядом свечу и пару красивых серебряных стаканчиков с вином да положила два ломтя пирога. Вот все, что удалось раздобыть: ключи от буфетов и шкафов с хорошей посудой тетка самолично носила на поясе. А вдруг жениху не понравится угощение? Вдруг ей сужден царский сын, к примеру?

Очень хотелось перекреститься, как перед началом всякого дела, однако ж никак нельзя. Марина поглубже вздохнула и проговорила заветные слова: «Суженый мой, ряженный, приди ко мне вечерять!»

Собственный голос показался Марине до того дрожащим и жалобным, что она рассердилась. По счастью, заклинание следовало произнести трижды. В другой раз голос звучал уверенней, ну а в третий и вовсе хорошо. Она уставилась в зеркало так пристально, что заслезилась глаза.

А там ничего не было, кроме дрожащей свечи и бледного девичьего лица. Глаза казались темными и глубокими, и Марина подумала: кабы и в самом деле были у нее такие загадочные глаза, может, и не сидела бы она сейчас в баньке, гадая, грядет ей свадьба или нет: небось уже кто-нибудь к ней посватался бы. Хотя... Где б он увидел Марину, жених богоданный? На балах она почти не бывает, одета так, что уж лучше таиться в уголке, не выставляя на всеобщее обозрение мятые фижмы и вышедший из моды роброн. Только год остался... Целый год! Ах, кабы и впрямь сбежать куда-нибудь, а ко дню своего двадцатилетия заявиться к тетке с дядькою... Но разве от них скроешься? Настигнут, схватят, приволокут назад подобно опозоренной дворовой девке... У Марины ведь ни денег на путешествие, ни места, где можно притаиться, нет.

Горячая слезинка побежала по заолодевшей щеке, и Марина очнулась. Ну вот, за своими печальными мыслями она забыла, зачем здесь сидит! А ведь сказано: только о нем, неведомом и желанном, надо думать, только его призывать! И девушка вновь забормотала, стискивая ворот полушубка: «Суженый мой, ряженный...»

Горло вдруг перехватило. Отражение свечи заметалось, как если бы его коснулось резкое дуновение ветра... или чье-то чужое дыхание. Марина зажмурилась от страха, а когда открыла глаза, едва не свалилась с лавки, увидев в зеркале рядом с собой незнакомое лицо, глядящее на нее с удивленной улыбкою.

Рука сама взлетела для крестного знамения, и пальцы уже сложились щепотью, но брови на незнакомом лице укоризненно сдвинулись, и Марина спохватилась, что видение от креста исчезнет, как и от молитвы. Рука безвольно упала на колени, и Марина уже не сводила глаз с лица незнакомца, жадно разглядывая каждую его черточку.

У него были русые брови, одна из которых низко лежала над глазом, а другая была изогнута резким насмешливым углом. Глаза его тоже казались темными, и на миг Марина, которой больше нравились голубоглазые да сероглазые, опечалилась. И рот у него какой-то переменчивый – то улыбочивый, то недобро поджатый. Худые впалые щеки, резко очерченный нос, твердый подбородок.

Марина затаила дыхание: незнакомец не отличался особенной красотой. Однако было в его настойчивом взгляде нечто, заставившее сердце Марины затрепетать, а губы – невнятно прошептать новое заклинание: «Люб ты мне, суженый-ряженный, а потому выйди в мир божий хоть на час, хоть на минуточку!» И она замерла в ожидании. Сбудется? Нет? Сбылось! Лицо в зеркале заколебалось.

А потом Марина ощутила движение за спиной. Обернулась, да так резко, что чуть не слетела с лавки. Но он успел схватить ее за плечи и поддержать. А Марина даже спасибо не нашлась сказать. Глядела не отрываясь, словно отведи она взор – и незнакомец исчезнет.

С той поры как призрак выйдет из зеркала, нельзя по правилам ни слова молвить. Однако как же пригласить его к столу? Затем Марине следует сделать две совершенно необходимые вещи. Во-первых, выяснить, не черт ли к ней припожаловал, подслушав девичьи мечты и приняв облик пригожего молодца, для чего как-нибудь исхитриться и заглянуть ему за спину, не вьется ли хвост, а потом разглядеть ноги, не с копытами ли. А убедившись, что перед ней подлинно человек, надобно улучшить миг и выкрасть какую-нибудь вещь, ему принадлежащую, которая будет как магнитом притягивать суженого к суженой и не даст ему избежать предначертанного.

Марина робко улыбнулась. И тут же незнакомец улыбнулся в ответ – обольстительно-развязной улыбкой. Марина вздрогнула: видать, ее суженый малый не промах, в будущем придется присматривать за ним в оба. А глаза его оказались вовсе не черными, а совсем светлыми, серыми или голубыми. Они стояли и рассматривали друг друга. И вдруг он заговорил...

У Марины громко застучало сердце. Она ожидала, что призрак будет изъясняться на неизвестном ей наречии, и в первую минуту слова его показались тарабарщиной. Однако через миг изумилась – ей понятна речь призрака! Он употреблял самые галантные и учтивые выражения, и Марина пришла в смятение от слов, им сказанных: она-де, красавица неопишная, с первого взгляда пришлась ему по сердцу, и как же он счастлив, что ветер странствий занес его нынче ночью на огонек одинокой свечи, столь таинственно мерцавшей во мраке...

Слова насчет ветра странствий несколько озадачили Марину. Выходит, их встреча – случайность, а вовсе не предначертание судьбы? Ах, неважно. Главное, что он здесь. Теперь следует уточнить, не черт ли это.

Надо отвлечь его. Но как?

Его улыбающиеся губы были совсем близко, и Марина подумала, что вот хорошо бы поцеловаться, а тем временем вытащить какую-нибудь вещицу. Тут же спохватилась: ведь искусство поцелуя ей неведомо. Но вмиг забыла обо всем – гостью пришла та же мысль, и оказывается, ничего не надо уметь. Надо лишь делать то же, что и он.

А он провел губами по губам Марины, нежно усмехнувшись, когда та вздрогнула. Все в точности повторила и она. Пьянящее ощущение своей власти пришло к ней, когда после легкого поцелуя в уголок рта все его тело содрогнулось. Прерывисто вздохнув, он накрыл ее губы своими. Марина хотела сделать то же, но не смогла: ее рот оказался в плену. Она приоткрыла губы, и туда вторгся нежный, сладкий его язык... два тела, прижавшихся друг к другу, затрепетали.

И почудилось Марине, что плывет она в бирюзовом тумане. Туман заполонил ее голову, все вокруг затянул лукавым мороком. И совсем растворилась бы она в нем, если бы не ощущение чего-то твердого, прильнувшего к бедрам. Оттого и приоткрыла скованные сладостной истомою веки и, увидев близко-близко затуманенные, отрешенные светлые глаза, поняла, что

обнялись они с суженым столь крепко, что каждый изгиб их тел совпал, будто сошлись частицы головоломки, а не только губы слились в неотрывных ласках. Но томительные, с ума сводящие касания вдруг показались Марине чем-то малым. Все требовательнее напоминала о себе кровь, стучавшая в висках, в груди, в чреслах, томительные судороги расходились по бедрам, и Марина невольно повела ими из стороны в сторону.

Отрывистый стон сорвался с губ суженого, и Марина почувствовала, что пол ушел у нее из-под ног. Испугавшись, она еще крепче вцепилась в широкие плечи, которые вдруг оказались не напротив, а сверху. Странная тяжесть накрыла ее... Марина изумленно поняла, что лежит.

Холодок коснулся обнаженной груди. Он расстегнул ей платье! Но как, когда?.. Она хотела отвлечь его поцелуем, но отвлеклась сама, в голове остались лишь обрывки мыслей. Нестерпимо горячие пальцы стискивают ее напрягшиеся груди, а другая рука... Да что же делают его руки? Греховность растеклась по всем глубинам ее тела и переполнила их своим течением, выплескиваясь наружу. Ей было уже нестерпимо в одиночестве, она жаждала другое существо, чтобы искутить его и переполнить тем же грехом, который теперь составлял всю суть ее. Теперь весь мир, небо и земля, рай и преисподняя сошлись, воплотившись для нее в одном незнакомом существе, кое она тщетно молила явиться к себе и слиться с собой...

Все существо Марины, обратившееся в ожидание, сотряслось от щемящей нежности, прозвучавшей в одном только слове, сорвавшемся с воспаленных уст ее неведомого возлюбленного: «Прости...» И она поняла, что суженый просит прощения за боль, которую причинил ей. Но ведь Марина сама завлекла к себе неожиданное мучение... И она сдалась, перестала противиться, приготовилась умереть.

Однако боль вдруг отступила, словно обрадованная такой безусловной покорностью. Ничто более не терзало, не мучило – только наслаждало. Синие волны плыли над ней, синие звезды качались на них, колыхались синие цветы. Но отчего-то Марина знала: ошеломляющие, блаженные ощущения, осеменяющие ее сейчас, – лишь ожидание, лишь подступы к неким вершинам. И вот наконец оно, непереносимое счастье, от которого можно умереть... Глаза закрылись, похолодели уста, бессильно упали руки...

Сон, похожий на беспмятство, или, может быть, беспмятство, похожее на смерть, накрыли Марину своим милосердным покрывалом.

Заморский кузен

В ту минуту, когда Олег Чердынцев впервые увидел его, – шляпа сахарной головою, густо насаленные волосы, бруды¹ до самых плеч, толстый галстук, в котором погребена вся нижняя часть лица, кривой, презрительно изогнутый рот, обе руки в карманах и по-журавлиному нелепая походка, – он ощутил враз два сильнейших желания. Первое – расхохотаться до колик, и второе – крепенько дать по морде нелепой версте коломенской, коя, впрочем, отныне и навеки приходится ему, Олегу, кузеном.

Ну да, диво заморское – двоюродный брат. Вдобавок старший. А все из-за того, что сестрица папенькина, Елена Юрьевна, четверть века назад по уши влюбилась в какого-то заезжего милорда и самозабвенно ринулась за ним в туманный Альбион. Тетушке Елене, которую Олег отродясь в глаза не видывал, он своего мнения об этом чучеле гороховом высказать не мог: она уж десяток лет тому назад преставилась. Сэр Джордж, супруг ее, на свете тоже не зажился – не то помер с тоски, не то взял и пронзил себя шпагой над гробом жены. Сия романтическая, хотя и не вполне достоверная история, как помнил Олег, потрясла все семейство Чердынцевых, наполнив его жгучей жалостью к бедняжке Елене, а того пуще – к ее единственному сынку.

Граф Чердынцев горевал по сестре долее всех. Он ведь еще задолго до случившегося положил себе непременно устроить встречу Олега с кузеном, а чтобы сын его не выглядел в глазах младшего лорда Маккола пентюхом, нанял ему английского учителя. Все детство Чердынцева-младшего было омрачено затверживанием различных *continuations* и попыткой различить простое прошедшее время от прошедшего совершенного.

Учитель был у него один на двоих с Мариною, дочерью недавно погибших соседей, Бахметевых. И хоть Олегу до сих пор не удавалось повидать сию девицу (опекуны, по слухам, держали ее в черном теле, единственно не щадя денег на образование, что было условием завещания), он заочно ненавидел ее. Ведь мистер Керк все уши ему прожужжал о том, какие необыкновенные способности к языкам у *miss Bah–meteff...* в отличие, понятно, от *mister’a Tcher-dyntzeff...* *I’m sorry, sir!*² Склонный к философствованию, Олег вырос в убеждении, что не зря русских считают дикарями: они заслуживают данного мнения глупым упорством, с каким полагают основы воспитания в безупречном произношении затверженных французских и английских слов... И это вместо того, чтобы покорить весь мир и заставить немцев, англичан, французов и прочих говорить только по-русски!

За детские свои невзгоды Олегу и хотелось наградить новообретенного родственничка оплеухой преизрядною. Однако обошелся бы ему тумак, пожалуй, себе дороже: ведь последние три года, минувшие после смерти родителей, Десмонд Маккол не на печи бока пролеживал, а воевал!

Новым лордом сделался по закону его старший брат (не родной, от первого отцовского супружества, ибо лорд Джордж был уже вдовцом, когда присватался к прекрасной Елене). Алистер Маккол и унаследовал в качестве майората семейное достояние в виде замка и прилегающих земель. А Десмонд собрался отправиться в Россию, чтобы войти в матушкино наследство (ее приданым было нижегородское имение близ Воротынца, находившееся на попечении графа Чердынцева, беззаветно любившего сестру). Однако случайно познакомился с участниками «Лиги Красного цветка» и прочно забыл обо всем на свете, кроме спасения французских аристократов от кровавого революционного террора. Отныне жизнь его протекала в беспрестанном риске и опасностях. Конечной же целью усилий было спасение французской королевы. Но заговор провалился, и Мария-Антуанетта вошла-таки на эшафот. Тогда «Лига Красного

¹ Так в старину называли бакенбарды.

² Мисс Бахметев... мистер Чердынцев... Прошу прощения, сэр!

цветка» предалась новой идее: похищению дофина и отправке его в Англию, что и было с блеском исполнено.

Однако случилось непредвиденное: человек, сопровождавший одиннадцатилетнего Людовика XVII в Лондон, где ему предстояло найти приют при английском королевском дворе, бесследно исчез. Умер ли он от внезапно приключившейся болезни, утонул на переправе через Ла-Манш, был убит разбойниками, коих немало в ту пору шлялось по дорогам Англии, – бог весть... А вместе с ним пропал царственный ребенок, и угадать его судьбу не представлялось возможным. «Лига Красного цветка» распалась: ее участники были обескуражены мрачной обреченностью всех своих усилий. Десмонд убивался более прочих: ведь он был среди тех, кто устраивал похищение юного короля из Тампля.

Похитителей узника искали так, как никого и никогда не искали. Каждого подозреваемого хватили и волокли на допрос, откуда было два пути: на гильотину сразу или на гильотину через тот же Тампль. Товарищи Десмонда по оружию искали спасения в Швейцарии, Германии, пытались укрыться в Англии. А он направился в Россию, по пути постепенно избавляясь от привычки настороженно вслушиваться и оглядываться и возвращая себе облик англичанина. Последний и вызывал в Олеге Чердынцеве непрестанное желание хохотать, но со временем Олег узнал историю кузена, а вместе с тем и его самого. Предубеждения сначала колебались, а потом и вовсе рухнули. Олег считал англичан кичливыми, но среди баснословно богатых Чердынцевых Десмонд выглядел бедным родственником. Говорили, что англичане много пьют, ведь их холодная кровь имеет нужду в разгорячении, однако увидеть кузена под столом Олегу так и не довелось. А что сентябрем братец смотрит, удивляться нечего – ведь в Англии непрестанные туманы, редко-редко проглянет солнце, а без него невесело жить на свете. Кстати, Десмонд не раз и не два доказал своему русскому брату, что военная доблесть и юношеский разгул зачастую идут рука об руку, он с таким же пылом предавался удовольствиям жизни, с каким участвовал в делах лиги.

Скоро все петербургские приятели Олега были в восторге от недурного собой, образованного, повидавшего свет удалыца-англичанина. Обнаружилось также, что кузен – настоящий сердцеед. Перед остроумным, беззаботным, дерзким высоким блондином с насмешливыми голубыми глазами не могла устоять ни одна женщина! Ни одного публичного скандала или дуэли с обиженным мужем!

Говоря короче, спустя пару месяцев после первой встречи Олегу уже казалось, что кузен его в общем-то неплохой парень. Однако раздражала его уверенность: быть храбрым – значит быть англичанином; великодушным, чувствительным – тоже... А ведь сам был наполовину русским!

Английское бахвальство постепенно слетело бы, останься Десмонд жить в России. Но не судьба была ему задержаться на родине матушки: однажды в английском посольстве ему сообщили ошеломляющую новость: он теперь не просто Десмонд Маккол, а лорд Маккол, ибо старший брат его месяц тому назад умер.

Чуть позже выяснилось: Алистер погиб при загадочных обстоятельствах. Коронер³ настаивал, что убийство совершил браконьер, схваченный сэром Алистером на месте преступления и затем скрывшийся. Сэр Алистер не успел жениться и заиметь детей, а значит, единственным и бесспорным наследником являлся его младший брат Десмонд.

И тут Олег понял, что кузен его воистину англичанин! Что сделал бы на его месте русский? Понятно, опрометью кинулся бы в родовое имение – вступать в права наследства, искать убийцу брата и мстить. Десмонд же и ухом не повел на увещевания дядюшки Чердынцева поскорее закрепить за собою наследственные права на лордство! Он не сомневался, что все уже совершено лучшими в мире британскими судьями и состояние его останется в неприкос-

³ Судья (англ.).

новенности. Зато выразил пожелание немедля осмотреть нижегородское имение и получить все бумаги на него.

– Разумеется, ведь Россия – не Англия! Здесь у нас вор на воре сидит и воров погоняет! – усмехнулся старший Чердынцев, усмотрев в его словах недоверие к себе, и, швырнув на стол бумаги, подтверждавшие права племянника, удалился.

Отношения в доме сделались натянутые. Граф, охладев к бесцеремонному племяннику, препоручил его Олегу. И в Воротынец Десмонд сопровождал молодой Чердынцев, помогая исполнить всяческие формальности, отыскать хорошего управляющего. Дела, однако, затянулись.

Одним словом, судьба распорядилась так, что ночь перед Рождеством двоюродные братья встретили в пути...

Самое обидное, что дом был в каких-нибудь трех верстах, когда сани вдруг стали. Внезапная остановка прервала не только плавное движение, но и тягучую дремоту седоков. Сначала они ничего недоброго не заподозрили, а только сонно тарасились в полутьму, рассеиваемую игрою огня за дверцей печурочки, наполнявшей возок жарким дыханием (путешествовали Чердынцевы всегда с удобствами).

Олег потер ладонью запотевшее оконце: в возке были настоящие стекла, не слюдяные вставочки. Вьюга. Вихри неслись над землей, взмывали к взбаламученным небесам, и чудились в них белые лица, огромные хохочущие рты...

– Ну и разбойничья ночька! – пробормотал он, перекрестившись. – Истинно праздник для нечисти. Сейчас бы на посиделки нагряться, не то в баньку.

– The bagnio, good, yes, – услышав знакомое слово, оживился Десмонд.

Олег хихикнул. Кое-каких русских словечек кузен, оказавшийся весьма смышленным, поднабрался. Он умел вполне сносно объяснить прислуге, что «каша – now, bad; блины – yes, very good!». Но почему-то упорно именовал кафтан армяком, доводя лакеев до судорог от усилий сдерживать непочтительный хохот, но все же его «о-де-ва-ся, please!» было всеми понимаемо. Зато полюбившуюся баню Десмонд упорно называл the bagnio, что по-английски значит «веселый дом». И сейчас Олег не смог не засмеяться, тем паче что на ум пришла очень подходящая история.

– А ведь и верно, веселый дом! – воскликнул он. – Я в прошлое Рождество пошел с нашими дворовыми к девкам на посиделки, в деревню. Ряжеными мы пришли, меня никто не признал, – поспешил он пояснить, увидев, как удивленно взлетели брови Десмонда: мол, неужели лорд Чердынцев предается простонародным развлечениям? Все-таки англичане жуткие задаваки, снобы. – Я в жизни так не веселился. Пели, плясали, бутылочку крутили, целовались все подряд. А потом заметил, что девки временами куда-то исчезают. Спросил парней, те и говорят: небось в баню гадать бегают. А знаешь, как в бане гадают?

– Гада-ют? – поразился Десмонд. – What is?

– В ночь на Рождество прибежит девка в пустую баньку, станет спиной к печке, юбку задерет и молвит: «Батюшко-банник, открой мне, за кем мне в замужестве быть?»

Хоть английский Олега за время общения с кузеном существенно улучшился, он все же засомневался, правильно ли выражается, уж больно выкатились глаза брата. Впрочем, тут же стало ясно, к чему относится недоумение.

– Юбку задирают? – прокудахтал Десмонд, едва сдерживая смех. – И что потом?

– Потом банник должен девку по заднице погладить. Ежели лапа теплая, будет у нее муж добрый, холодная – злой, мохнатая – быть девке за богатым, голая – за бедным. Вот такое гадание!

– И что было дальше?

– Там девка была одна, Аксютка. Хороша – будто яблочко наливное. Ну я и говорю Костюньке, лакею нашему, мол, я отлучусь, а ты Аксютку подговори в баньку пойти, на суже-

ного погадать, да постереги, чтоб никто туда не совался. Вышел тихонько – и к баньке. Зашел, затаился возле печки. Кругом тьма египетская, только луна сквозь окошечко едва освещивает. Стою – стужа лютая, зуб на зуб не попадает, а девки все нет. И вдруг – чу! – снег хрустит под торопливыми шажками. Вскочила в баньку, огляделась – да что в такой тьме увидишь, – повернулась к печке спиной и юбки – р-раз! – на спину себе забросила. Как поглядел я на то богатство – аж дышать перестал. А она из-под юбок своих бормочет: покажи, мол, банник-батюшко, каков будет мой суженый? Я руку-то нарочно за пазухой держал, она не то что теплая – горячая была. Погладил я Аксютку сперва легонько, потом осмелел, огладил всю, да пощекотал так, что она пуще изогнулась. Тут девка-дура на лавку локтями оперлась и говорит: «А покажи мне, батюшко-банник, каково будет с мужем жить, сладко ай нет?» Я так и обмер! В общем, я своего не упустил. Барахтались, пока вовсе не опустошился. А когда встал – ноги, вот те крест, тряслись и подгибались, – то сказал девке: «Быть тебе за богатым, Аксютка!» И слово свое исполнил: сперва в дом взял, а когда намоловались вволю и молодка зачреватела, выдал ее за Костюньку. Теперь оба в Петербурге, в доме нашем, надзирают за хозяйством, сынок у них растет...

– Твой сын? – удивился Десмонд. – А отчим его не обижают?

– Попробовал бы! – воздел крепкий кулак Олег. – Нет, любит, как своего. Мальчишке и невдомек, что он барский байстрюк. Зачем ему лишние мечтания? Костюнька знает, что я ни его, ни мальчонку не обижу. Да и Аксютку не обижаю. Бывает, надоест по непотребным девкам, заморским да тощим, таскаться, скажу только: «А ну, Аксютка, взбей перинку!» – она тут же и готова ублажить барина.

– А муж?! – округлил глаза Десмонд.

– Ему-то что? Убудет от бабы, что ль? – отмахнулся Олег. – Тут гвардейский полк надобен, чтоб от нее убыло! И мне хватает, и Костюньке, и... Подозреваю, близ этого пирога еще не один из лакеев кормится.

Братья расхохотались от души. И Олег подумал, что сейчас бы ему сошла любая, от тощей заморской до сдобной отечественной. Ох, поскорее бы добраться до дому – там уж он живо сыщет себе сговорчивую молодку! Да о Десмонде позаботится. Похоже, кузену тоже невтерпеж сделалось – вон как ерзает. Ведь не меньше пяти суток минуло, как они простились с веселыми воротынскими красавицами.

– Да чего ж кони все стоят да стоят? Не случилось ли чего? Надо бы поглядеть, – вымолвил Десмонд. И придвинулся к полости, закрывавшей вход.

– Эй, там метель! Шубу накинь! – прикрикнул многоопытный русский.

Англичанин отмахнулся было, однако все же сгреб в охапку медвежью шубу и вывалился наружу, в белое снежное круженье. Следом выбрался и Олег. Ветер, а также новости, сообщенные кучером, вмиг выбили из его мыслей и тела всякую похоть.

Возок стоял на обрывистом берегу Басурманки – так звалась неширокая речушка с таким быстрым течением, что его не смог остановить даже мороз. Басурманка бежала, курилась в высоких берегах, и покосившийся мосток оледенел до того, что сделался скользким, непроезжим горбом, повести на который тройку с осадистым возком мог только сумасшедший.

Кучер Клим, степенный осторожный мужик, приложил все усилия, чтобы уговорить барина не кидаться на мост очертя голову. Молодой граф поартачился было, доказывая, что можно двух пристяжных выпрячь и перевести на другой берег, а мост одолеть на одном кореннике. Однако вскоре уразумел всю глупость своего предложения.

– Ну? – спросил уныло кучера. – В объезд, что ли?

Клим со вздохом кивнул. Объезд означал еще часов пять пути. Дай бог, ежели к утру доберутся до Чердынцева. Теперь уж, наверное, полночь...

– А где же мой кузен? – встрепенулся молодой барин.

Клим досадливо сдвинул шапку на затылок. Мало того, что у иноземца целых четыре имени: Кузен, Милорд, Мистер и Десмонд, так он еще и запропастился куда-то!

– Отошел небось по нужде, – буркнул кучер, безнадежно оглядывая окрест.

Белая мгла вокруг – и ничего больше: ни земли, ни неба, ни чужеземца с четырьмя именами. Пропал он! Как есть пропал!

Английский рыцарь Ланселот

Какое-то время Десмонд постоял на берегу, слушая возбужденные переговоры Олега с кучером и поражаясь тугодумству русских. О чем вообще размышлять? Если нельзя переехать по одному мосту, следует искать другой. Все же ясно!

Десмонд стал спиной к ветру, поднял воротник и упрятал в него нос. Приходилось то и дело переступать, не то вокруг валенок мгновенно наметало настоящие сугробы. Еще хорошо, что нет сейчас настоящего русского мороза, иначе он уже превратился бы в ледяную статую, пока кузен с Климом спорят об очевидных вещах. Впрочем, может быть, они просто не знают, где объезд? Ну так нужно спросить какого-нибудь... как это по-русски?.. – доброго человека. Вон чернеет сквозь белую мглу домишко, наверняка его хозяева хорошо знают окрестности.

Десмонд оглянулся, чтобы указать Олегу на строение невдалеке, да так и ахнул: ни кузена, ни кучера, ни возка с тройкой рядом не было! Словно снеговые черти их унесли, прихватив заодно и речку с оледенелым непроезжим мостиком...

Ему приходилось слышать, что русских вечно кто-то «морочит». Например, на спящего в душевой избе обязательно наваливается некий сивенький старичок-домовой и душит или «давит». Или другой случай. Парни и девушки бегут на речку купаться да лупят своими саженками на самую стремнину, в водовороты, или кидаются в воду с берега, не промерив предварительно дно, а потом кричат, что одного непутевого купальщика уволок зеленобородый, скользкий, опутанный тиной и водорослями мужик по прозвищу Водяной.

Еще пример: парятся в своих безумно жарких банях, где впору пытаться злоупорствующих преступников, до одури, до умопомрачения, так что кровь ударяет в голову. А после, если найдут угоревшего до смерти бедолагу, то уверяют, что голый старикашка, облепленный банными листьями, банником называемый, уморил его, за что-то прогневавшись.

Но сейчас, в столь колдовскую ночь, Десмонд уже был готов поверить, что его морочит какой-нибудь русский леший. Однако военный опыт не дал разыгаться воображению. Известно, что правая нога ступает шире, чем левая, вот путнику на бездорожье и кажется, будто он идет прямо, а на самом деле поворачивает влево. И никакие снеговые черти здесь ни при чем! Просто Десмонд, топчась на месте, незаметно для себя отступал от берега – вот и потерял из виду возок, коней и людей. Времени прошло всего ничего, они где-то рядом. И если крикнуть погромче, Олег тотчас отзовется. Но лучше Десмонд узнает про объезд, а потом вернется и утрет нос бестолковым северянам!

Десмонд усмехнулся и зашагал к строению, вспоминая подходящие к случаю русские слова: «Мост – лед, не ка-рош. Хочу ест другой мост? Говорить, please, барин дать грош для russian vodka».

Нет, не так. Грош, это же полпенни, а то и меньше. Кто будет стараться за такую ничтожную плату? Ладно, он скажет: «Барин дать silver грош для russian vodka!» Русские мужики смышлены, тут же сообразят!

Приободрившись, Десмонд огромным прыжком преодолел сугроб и замер – домишко, очертания которого отчетливо выступали из белой тьмы, оказался не избой, а каким-то сараем без окон, без дверей. Нет, все-таки точно леший, его козни! Впрочем, разочарование тут же улетучилось: Десмонд увидел дверь, вдобавок отворенную. Изнутри слабо тянуло теплом, снег на крыльчке чуть подтаял. Ага, значит, здесь все-таки кто-то есть!

Молодой человек взбежал на крыльцо, шагнул через порог – и вновь досада им овладела: когда глаза привыкли к темноте, он обнаружил, что попал в баню.

Собственно, то был просторный предбанник с лавками вдоль стен, а сама баня скрывалась за тяжелой, обитой войлоком дверью. Десмонд встрепенулся: дверь чуточку приоткрыта, и в щелке ему почудился промельк света.

Он уже совсем было собрался окликнуть того, кто был за дверью, но вовремя раздумал. Ну кто, скажите на милость, пойдет мыться в бане в рождественскую полночь? Даже зная о странной, прямо-таки исступленной любви русских к парилкам, Десмонд не мог вообразить себе такого безумца. Почему же здесь свет? Внезапно фривольный рассказ Олега пришел ему на ум, и англичанин приник к щелке, почти уверенный, что увидит пышный зад какой-нибудь красотки, стоящей у печи в пикантной позе в ожидании, когда «батюшко-банничек» обнаружит себя. Однако ничего, кроме двух тоненьких свечек, трепещущих одна против другой, ему поначалу увидеть не удалось. А потом он понял, что ошибся: горящих свечей всего одна, вторая же – ее отражение в зеркале. И почти тотчас рядом со свечой он увидел какое-то бледное пятно. Но прошло еще несколько секунд, прежде чем он сообразил, что видит лицо девушки, сидящей к нему спиной и глядящей в зеркало.

Волосы на голове стали дыбом – Десмонду почудилось даже, что шапка съехала набок. Увидеть девицу, которая среди ночи пришла в баню полюбоваться на свою красоту, – это еще похлеще, чем встретить любителя париться во время наступления Рождества! Но тотчас он сообразил: да нет, нет же! Девица пришла в баньку гадать, слышно же: что-то шепчет, глядя в зеркало, спрашивает о чем-то, зовет...

Как ни вслушивался Десмонд, слов «банничек-батюшко» он не разобрал и досадливо качнул головой: естество его все еще было растревожено живописным рассказом Олега. И вдруг вспомнилось, как тетушка Урсула, получившая в семье прозвище «Старшая ведьма» из-за чрезмерного пристрастия к оккультным наукам, выпрашивала мать про русские магические обряды. Та с охотой поведала о старинных девичьих выведываниях будущего жениха. Десмонд, хоть и был мал, запомнил разговор. Потому что все походило на сказку: матушка таинственным шепотом описывала, как положила в рождественскую ночь перстенок под подушку, как во сне ей явился высокий господин в синем камзоле с серебристой отделкой и надел перстенок на палец. Самое удивительное, что встреча Елены с ее будущим мужем именно так и содеялась: она на каком-то гулянье обронила перстенок и долго его искала, а незнакомец в синем с серебром камзоле его нашел и вернул огорченной владелице. С первого взгляда Елена и сэр Джордж влюбились друг в друга, так что сон оказался вещим. Матушка рассказывала и про другие гадания, признавшись, что у нее никогда не хватало храбрости встретить рождественскую полночь перед зеркалом.

– А вот я бы не побоялась, если бы могла хоть что-то узнать о Брайане! – грустно шепнула тетушка, вспомнив о женихе, исчезнувшем бесследно в день свадьбы, после венчания.

История была преувеличенная: веселые гости затеяли играть в прятки. Нашли всех, кроме юного сэра Брайана. Когда кто-то из гостей обнаружил в подвале замка пуговицу с камзол сэра Брайана, Урсула вскрикнула и грохнулась оземь. А очнувшись безумной. Угрюмая, нелюдимая, она все ходила по замку, заглядывая во все закоулки... Поговаривали, что сэр Брайан попросту сбежал от невесты, что любовь его была притворной. Урсула продолжала надеяться на встречу с женихом, и можно было не сомневаться, что после рассказа леди Елены она в ближайшее же Рождество принялась высматривать его в зеркале. А сейчас высматривает жениха неведомая Десмонду красавица, чей настойчивый шепот он ощущал не только слухом, но и всем телом, как зовущее прикосновение. У него невольно смутился дух, и, не совладав с чувствами, которые вдруг вспыхнули и овладели им всецело, Десмонд осторожно толкнул дверь, бесшумно шагнул вперед...

Когда некоторое время спустя он вновь стоял на том же пороге, ноги у него подгибались и слегка кружилась голова. Холод проникал под распахнутую одежду, но он ничего не чувствовал, все существо его трепетало и точно бы улыбалось блаженно. Среди сонма восхищенных мыслей, обращенных к той, что все еще лежала недвижима, была одна, почти испугавшая Десмонда: а хорошо бы никогда не расставаться с нежной красавицей, впервые познавшей

любовь в его объятиях. Как ни странно, ему еще ни разу не доводилось обладать невинной девушкой. И вот эта случайная, невероятная встреча...

Предчувствие того, что в его жизнь вошло нечто новое, неведомое и тревожащее душу, овладело Десмондом. И он все медлил на пороге, не в силах отвести взгляда от девушки в ворохе смятых одежд на широкой банной лавке, ставшей ложем наслаждения.

Внезапно сквозь частый стук крови до него донеслись тяжелые шаги совсем рядом. Кто-то вошел в предбанник!

Олег? Ринулся на поиски кузена? Десмонду сделалось нестерпимо стыдно при мысли о том, что Олег увидит его стоящим над спящей почти обнаженной девушкой. Он только и успел, что резким движением набросить на нее свою тяжелую шубу, прикрывая от нескромного взора, а сам отпрянул за дверь, в густую непроглядную тень. И вовремя!

Дверь открывалась внутрь, и пришедший толкнул ее так сильно, что Десмонда, вжавшегося в стену, едва не пришибло. Он загородил светящийся огарочек, и Десмонд увидел очертания кряжистой, широкоплечей, длиннорукой мужской фигуры в тулупе и меховом треухе. Сердце стукнуло тревожно: это не Олег, сомнений нет. И не кучер Клим. Совсем незнакомый селянин! Догадку подтвердил тяжелый голос – никогда не слышал Десмонд такого грубого, скрежещущего голоса.

– Мать честная! – пробормотал вошедший. А потом, чуть громче: – Эка притча!

Десмонд непонимающе вскинул брови: только безнадежный кретин мог принять молодую красавицу за свою мать! Впрочем, очевидно, пришедший ошибся в темноте. Вот он шагнул к лавке, наклонился, потянул за тяжелый воротник, скрывавший лицо девушки до самых глаз... и Десмонд ощутил всем существом своим, как вздрогнул нежданный гость, потому что шуба скользнула на пол, открыв нескромному взору полунагое бесчувственное тело.

Ох, что же сделал Десмонд с девушкой, так нежно и доверчиво улыбавшейся ему! На какой позор обрек ее! Да разве можно надеяться, что грубый человек сохранит тайну? И тут же сердце с болью сжалось. А что, если девушка ожидала в баньке именно этого здоровяка, а он похитил то, что по праву должно было достаться другому? Ревность ослепила его, ноги подкопились. Десмонд даже ахнул – и ладонью испуганно зажал рот: не услышал ли незнакомец?

Однако тот, чудилось, вообще ничего не видел и не слышал сейчас. Но вот он надсадно втянул в себя воздух, громко причмокнул, а в следующий миг глыба его тела зашевелилась, на бревенчатой стене при свете свечи возникло уродливо изогнутое очертание его тела с каким-то устрашающе огромным предметом, торчащим внизу живота.

Зрелище было столь чудовищное, что Десмонд просто-таки обмер и некоторое время тупо глядел, как мужик взгромождается верхом на лавку, накрывая своей громадой бесчувственное тело девушки. Но вдруг раздался пронзительный крик, и столбняк, овладевший Десмондом, исчез. Нет, не радость заждавшейся любовницы слышалась в крике – испуганный, отчаянный ужас! Нелепые догадки, выдуманная ревность развеялись, как дымок под порывом ветра. Не глядя, он схватил что-то, оказавшееся под рукой, и с размаху послал этот предмет вперед...

В это же мгновение очнувшаяся девушка с такою силой ударила коленом навалившегося на нее насильника, что тот отпрянул – и голова его с грохотом врезалась в летящее оружие Десмонда, коим оказалась деревянная шайка.

Что-то разлетелось на куски. Через мгновение Десмонд сообразил: к сожалению, не голова разбойника, а шайка.

Мужик окаменело сидел верхом на лавке, покачивая, словно бы с легкой укоризною, головой в треухе. Десмонд судорожно зашарил вокруг, мечтая отыскать снаряд поувесистее, но тут мужик покачнулся, медленно сполз с лавки и простерся на полу. Девушка приподнялась, поглядела на него расширившимися глазами, а потом обессиленно рухнула навзничь, вновь лишившись чувств.

Десмонд осторожно шагнул вперед, отлепил от стола огарочек и склонился над недвижимым мужчиной. И отпрянул, узрев вытаращенные застывшие глаза, рот, ощеренный в застывшей ухмылке. Десмонд схватил лежащего за грудки, тряхнул... и понял: его внезапный соперник мертв.

Он не помнил, как очутился на дворе. Прошло, наверное, какое-то время, прежде чем студеные объятия метели вернули утраченное соображение. Ох, бурная выдалась нынче рождественская ночь! Обещенная девушка, убитый... Десмонд скомкал в пригоршне снег, прижал к левому виску, в котором резко пульсировала боль. Сразу стало легче, в голове прояснилось. Надо поскорее отыскать Олега, возок, быстрых коней, которые унесут его прочь отсюда. Десмонду случалось проливать чужую кровь, но одно дело – встать с врагом лицом к лицу, и совсем другое – прикончить кого-то из-за угла.

Правда, он защищал девушку, честь прекрасной дамы, если так можно выразиться... Странствующий рыцарь, защитник угнетенных! Сэр Ланселот! Пустое дело: гордиться сэру Десмонду совершенно нечем. Нет, скорее прочь отсюда! Но куда идти? И тут же он ахнул, увидев огненный промельк впереди, за белой завесой метели. Нелепая мысль, что демоны преисподней несутся в адских вихрях за его грешной душой, пришла, но тут же была унесена порывом ветра. Да никакие не адские вихри, искры летят из печной трубы!

Одно из двух: или где-то рядом изба, или... Сердце Десмонда радостно забилося... или Олег догадался растопить сильный огонь в печи, обогревающей возок. Опьяненный радостью, вмиг забывший обо всем на свете, Десмонд ринулся на сверкающий «маяк». Но не пробежал и двадцати шагов, как с двух сторон в него вцепились чьи-то руки, и два голоса (один, отрочески звонкий и счастливый, – Олега, другой, надтреснутый от страха, – кучера) завопили хором:

– Нашелся! Живой! Слава те, господи!

Вот уж воистину...

Что посеешь, то и пожнешь

– Я говорю вам, сэр, что человек, подобный вам, никогда не ступит на палубу моего корабля!

– А я говорю, сэр, что уплатил за сие путешествие преизрядные деньги, и вы не вправе лишить меня моей каюты!

– Ваши деньги... Вы, мистер рабовладелец, можете получить их назад, дайте только мне время сходить за ними в каюту! – И капитан сделал движение повернуться.

– Послушайте, сэр! – воззвал Десмонд в отчаянии. – Вы не можете так поступить со мной! Ну что я такого совершил? Я был в стране, где законы совсем иные, чем у нас, и принужден был жить по ее законам. Вы были когда-нибудь в России?

Капитан всем своим молодым, гладко выбритым лицом показал, что сама мысль о такой возможности приводит его в содрогание.

– Тогда как же вы можете судить? Это дикая азиатская страна, совершенный Восток, где обычаи – истинные деспоты. Например, русское гостеприимство! Ежели хозяин угостит тебя вином и ты не пьешь до дна, тебя могут вызвать на дуэль, ибо хозяин сочтет себя оскорбленным. Ежели за обедом оставляешь какое-нибудь блюдо нетронутым, хозяин вызывает повара – и на твоих глазах способен отрубить ему голову: по его мнению, гость оскорблен дурным качеством пищи!

В светлых глазах капитана появилось мечтательное выражение. Он оглянулся на корабль и пробормотал:

– Сей обычай я полагаю вполне разумным и совсем не прочь ввести его в обиход!

Десмонд деликатно сдержал улыбку и поспешил закрепить завоеванные позиции, на шаг придвинувшись к берегу. Однако маневр его был тотчас пресечен капитаном:

– В прошлом году я совершал рейс к берегам Испании, и там некий господин, один из дикой американской нации, предложил мне баснословные деньги, ежели я соглашусь загрузить трюмы африканскими рабами. Надо ли говорить, как я поступил?

Десмонд поджал губы, потому что его так и подмывало ответить, что он не вполне дурак. Перед ним было достаточно побитое штормами судно для каботажного плавания, и даже переход из Кале в Дувр был для него тяжеловат. Ну можно ли представить сей корабль посреди океана, по пути из Африки в Новую Англию? Да никогда в жизни!

Разумеется, он смолчал и даже нашел в себе силы сокрушенно покачать головой. Капитан мог воспринять жест как выражение сочувствия, но Десмонд был сокрушен искренне. Дело его, кажется, безнадежно зашло в тупик. Неужто придется возвращаться в трактир, снова снимать комнаты для ночлега, снова терпеть двусмысленность, вдобавок каждую минуту ожидая окрика за спиной:

– Месье Рене (или Этьен, Оливье, Дени)? Какая неожиданная встреча!

Под этими именами Десмонд жил во Франции. И он отнюдь не обольщался расхожим мнением о том, что французы легкомысленны и созданы лишь для романов и романсов. Можно не сомневаться: повстречай он кого-то из тех, кому встал поперек дороги, спасая сторонников несчастного Людовика XVII, у французов хватит ума схватить его и отправить в Париж, где гильотина по нему плачет уже более года. Нет, надо немедленно убираться из Кале! Здесь его жизнь в непрестанной опасности.

Сказать, что ли, это капитану? Нет, противнику деспотии принципы дороже всего на свете! Стоп... а нельзя ли сыграть на его принципах?

Капитан тем временем, наскучив их беседою, сделал движение к шлюпке, куда уже погрузились остальные пассажиры и теперь выражали явное нетерпение.

– Вы бесчеловечны, сударь, – произнес Десмонд тихо, но так, чтобы капитан его услышал. – Причем прежде всего к той несчастной, положением которой так возмущены. А ведь я показывал вам ее бумаги. Показывал дарственную! Она – подарок мне от одного моего русского друга, понятно вам? Вообразите, что сделал бы баснословно богатый дикарь, вздумай я сказать, мол, не надобно мне его даров, поскольку в Англии рабство презираемо и ненавидимо всеми порядочными людьми. Он и не понял бы ничего, кроме того, что девушка мне не нравится. Конечно, он стал моим вековечным врагом, но мне плевать, я не собираюсь возвращаться в Россию. Но участь девушки... – Десмонд изо всех сил изобразил ужас, мысленно извиняясь перед кузеном Чердынцевым, который являлся прообразом описываемого им варвара, ведь именно Олег писал дарственную на внезапно обретенную Десмондову собственность. – Он же немедленно отрубил бы ей голову! Или затравил собаками в моем присутствии. Поверьте, сударь, – добавил Десмонд сухо, – я не меньше вас ненавижу рабство, но не видел иного способа спасти несчастную.

Капитан был молод и не умел владеть своим лицом – после слов Десмонда на нем проступили ужас, жалость, растерянность. Последний довод подействовал на капитана. Лицо его просветлело.

– Бог вам судья, сэр, – проговорил простодушный «морской волк» в свойственной ему возвышенной тональности. – Если речь идет о спасении жизни, то... Прощу в шлюпку.

Он зашагал к морю, увязая в песке. Десмонд неуклюже последовал за ним, даже не оглянувшись посмотреть, следует ли за ним его злополучное имущество. Разумеется, следует! Куда ж ей еще деваться? Да, и ему от нее теперь уже не избавиться...

Там, на берегу незамерзающей Басурманки, увидев до смерти перепуганного Олега и почти плачущего от отчаяния Клим, Десмонд испытал прилив такого облегчения, что ему показалось, будто и не было никакой баньки, один лишь морок метельный, шутки нечистой силы, которая накануне Рождества буйствует неудержимо. Однако зоркий глаз Олега сразу заметил неладное, а потому после первых объятий, перемежавшихся с крепкими проклятиями, он с тревогой спросил:

– Что с тобой? Где был ты и что делал? Вид у тебя такой, словно нечистое содеял! Успокойся и не дрожи. Э, да ты замерз! А где тулуп?

Десмонд скрипнул зубами. Тулуп остался в баньке, а рядом с ним... Конечно, можно было отовратиться. Однако воспоминание о крике, полном ужаса, о черных от страха глазах помешало Десмонду солгать. Торопливо он выложил все, что с ним случилось нынче ночью, и ощутил облегчение, словно сбросил часть ноши.

Против ожидания Олег не ужаснулся, а только удивился безмерно.

– Суров твой нрав, и на расправу ты прыток, – пробормотал Олег, недоверчиво разглядывая своего родственника. – И что же теперь делать будем?

– Там мой тулуп, – вздохнул Десмонд. – Если полиция начнет искать...

– Милый, ты забыл, где находишься? – похлопал его по плечу Олег. – Ну какая тут полиция? К тому же убитый явно крепостной.

– А если твой кучер проговорится: мол, я заблудился где-то тут в то время, когда приключилось убийство? И кто-нибудь свяжет концы с концами?

– Россия, брат, тебе не Англия, – ласково, будто несмышленому ребенку, сказал Олег. – У нас закон – царская да господская воля. Даже если Клим спьяну скажет, что видел, как ты мужика пристукнул, то против его слова будет мое, слово дворянина, а оно вдесятеро стоит.

В словах Олега было столько уверенности, что Десмонд понял: бояться ему нечего. Можно было уезжать. Олег, ободряюще похлопав его по плечу, двинулся к возку. Десмонд поплелся за ним, то и дело оглядываясь. Вдруг представилось, как она очнется... Решит, что любовник ей привиделся, а тот, кто валяется рядом, взял ее силой. А в отместку она его...

Олег оглянулся. Усмехнулся:

– Девку жалко? Ну, грехом с нею спознался, грехом и расстался.

– Она ведь подумает, что сама того негодяя прикончила, – убитым голосом сказал Десмонд.

– Ничего, он получил за дело, – бодрясь отозвался Олег. – Надо надеяться, очнется девка скоро, и у нее хватит ума убежать да язык за зубами держать, что бы она ни подумала. Небось спишут на какого-нибудь лихого человека. Мало ли их по лесам здешним бродит! Скажи, Клим, – обернулся он к кучеру, – мы на чьих землях сейчас?

Клим напряженно растянул губы в улыбке, и Олег расхохотался, сообразив, что, забывшись, продолжал говорить по-английски. Повторил вопрос – и Десмонд увидел, как вдруг помрачнело лицо неунывающего кузена.

– Что такое? Ну, что он тебе сказал?

– Да так, пустое! – отмахнулся Олег и полез в возок.

– Что тебе кучер сказал? – резко повторил вопрос Десмонд и, увидев, как вильнули в сторону глаза кузена, пригрозил: – Клянусь, не переведешь его слова – с места не сойду, пока не узнаю, в чем дело!

– Никакого дела и нет, – пожал плечами Олег. – Просто Клим сказал, что земли бахметевские, а я Бахметевых на дух не переношу.

– За что ты их не переносишь? – не унимался Десмонд.

– Ну, сам граф Бахметев, покойный, был человек отменных качеств, о нем никто никогда слова недоброго не сказал. Но сейчас здесь всем заправляет его младший брат, а он в семье – паршивая овца. Имение-то унаследовала дочь Бахметева, но в права через какое-то время вступит. Так знаешь, что говорят по соседству? Мол, не доживет Марина Дмитриевна до того возраста, непременно ее дядюшка изведет, чтобы самому заграбастать наследство. Всем известно, в каком черном теле он племянницу держит. Девка на выданье, однако ж на балы или в гости ее не вывозят, и сам барин у себя никого не принимает. Скуп, как... – Олег махнул рукой. – И слухи идут по губернии о его бесчинствах над крепостными. Женат он на самом уродливом создании в мире, да и сам жуткий урод. Женщин и девок запирает в свой гарем. А прислуживает ему любимчик его, палач домашний, Герасим.

– Герасим? – задумчиво повторил Десмонд. – А не знает ли Клим, каков он собою? Не таков ли – кряжистый, широкоплечий, руки чуть не до земли висят, черная борода и маленькая голова? Ну-ка, расспроси кучера.

Олег послушался – и через несколько слов всплеснул руками:

– Ну истинный портрет! Именно таков и есть Герасим, как ты описал.

– Значит, его я и убил... – медленно проговорил Десмонд.

Огромная тяжесть налегла ему на сердце. Нет, не призрак убитого явился ему – судя по всему, тот был негодяй отъявленный, смерть коего будет для его жертв радостью. Но... кого сочтут убийцею, вот в чем вопрос!

– Да не тревожься ты так, – Олег заглянул кузену в лицо. – Может, успеет она убежать, прежде чем их с Герасимом обнаружат.

– А что проку? – в отчаянии воскликнул Десмонд. – Ты не знаешь женщин? Кто из них сможет держать язык за зубами? Она непременно проболтается какой-нибудь подружке, та – другой подружке... Ей же смерть грозит!

– Эка ты напридумывал страстей! – пожал плечами Олег. – Главное, чтоб очнулась девка вовремя, а уж там, чай, сообразит язык прикусить.

Десмонд нервно схватил ком снега, растер им лицо. Снег мигом обратился в воду. Да и сердце его горело, ныло от непонятной тревоги. Хотя... Ну что ему в той незнакомке? Губы у нее были сладкими, как вишни... Ну и что?

– В обмороке она глубоком! – вскричал Десмонд, обращая на Олега столь сердитый взгляд, словно тот был виновен в случившемся. – Я видел такое, знаю – сутки пребывать в нем

можно, а то и больше. Нет, найдут их рядом, и ее обвинят в убийстве. Эх, если б увезти ее, спрятать... – Он с мольбой сжал руку Олега. – Позволь забрать ее в Чердынцево. Я в долгу не останусь!

Лицо Олега вспыхнуло было оживлением, да тут же и погасло.

– Пустое говоришь. Для тебя я и не на такое бы решился, но... Ведь сейчас только кажется, что в мире нет ничего более, – потыкал он рукой в снежные стены, подступившие со всех сторон. – А ведь до Чердынцева отсюда рукой подать. Ну куда беглой деваться? Только к нам. А там непременно кто-то увидит да проболтается. Бывало уже такое. Ничего не вышло, кроме свар да штрафов нам. Бедняг хватали да в колодки, на дыбу, под кнут...

Судорога прошла по лицу Десмонда, и Олег подивился чувствительности, вдруг проснувшейся в прежде надменном и сдержанном кузене. Эх его разобрало! Или и впрямь девка хороша, словно Елена Троянская? Жаль, конечно, что так вышло.

– И в петербургском доме ее не скроешь. Непременно пришлось бы объясняться с батюшкой, а он в ярость придет: мол, соседское добро украли.

– Но человеколюбие... – взвился было Десмонд. Да и сник: не много в нем самом пребывало человеколюбия, когда одним ударом пришиб мужика. А ведь тот повинен был лишь в том, что не совладал с похотью... как и он сам. Мужик не успел свои нечистые помыслы осуществить, а он успел. Еще как успел! Нет у него права ни просить, ни требовать. Сам кашу заварил, как говорят русские, – сам и расхлебывай.

– Беглые у нас как делают... – размышлял вслух Олег. – На Дон, в Малороссию, за Урал скрываются. Там просторы вольные – ищи-свищи! Но не везти же ее за Урал...

– Нет, конечно, – твердо сказал Десмонд. – Не на Урал, а... в Англию. Я ее увезу. Тебя прошу об одном: отцу ничего не сказывай, но помоги выправить бумаги.

...В Чердынцеве они остановились ровно на столько, сколько требовалось времени, чтобы сменить лошадей да положить припас на дорогу, и снова пустились в путь, к Петербургу. На облучке взмахивал кнутом Клим. Рот у него был так стиснут, словно зашит накрепко: ведь за молчание барин обещал отдать ему в жены Глашу, дочь старосты Лукьяна, по которой Клим давно и безнадежно сох. Девка тоже была бы не прочь, да родителям ее Клим не глянулся. Ничего, теперь глянется, ежели сам молодой граф сватом придет! Клим готов был не только рот зашить, но и язык себе откусить. Он бы не дрогнув поклялся перед иконами, что не видел, как молодой граф и его родственник-иноземец приволокли откуда-то из метели нечто, закутанное в тулуп так плотно, что только русая коса до земли свешивалась. Клим нарочно тогда отвернулся. Подумаешь, беда! Дело молодое, холостое, обычное!

Всю дорогу девушка была недвижима. Десмонд иногда вглядывался в ее лицо, украдкой касался губами виска, губ – якобы проверить, бьется ли пульс, ощутить ее дыхание. Он даже себе почему-то стыдился признаться, что не в силах подавить желание прикоснуться к ней беспрестанно.

Олег поглядывал на него с тревогой, усмешкой и изумлением. В бледном девичьем лице он не нашел ничего, способного в одночасье свести мужчину с ума и заставить его пойти на преступление. Но чуял, чуял Олег, что наплачется еще его кузен со своим неожиданным приобретением, ох, наплачется! Небось она тихая, пока в беспомысленности лежит. А потом... Ну, то уж Десмондова доука. А сам Олег сделал все, что от него зависело: дарственную написал, небогатый багаж кузена, таясь, из дому вынес...

Оставалось только пожелать счастливого пути рыцарю Ланселоту и его безмолвной, беспомысленной жертве. «Что ж с нею, бедной, станется, когда вдруг очнется да увидит себя невесть где и с кем? Тут и ума лишиться недолго!» – с внезапно проснувшейся жалостью подумал Олег. Пусть уж подольше не приходит в сознание...

Ему было невдомек, что пожелание его исполнится, и чуть ли не весь путь по пустынному прибалтийскому краю Десмонд проделает, держа в объятиях бесчувственное создание.

Прибыли в Вильно. У Десмонда было заемное письмо к одному из здешних торговых людей, и он отправился за деньгами, скрепя сердце оставив девушку на постоялом дворе под приглядкою Клима. Отсутствие его неожиданно затянулось из-за того, что он битый час искал дорогу. Местный народ, кроме своего языка, другого не понимал, и все попытки объясниться оставались безуспешными до тех пор, пока Десмонд не сообразил вынуть золотой. Не меньше десятка желающих указать путь, вполне вразумительно говорящих не только по-русски, но и по-английски, собралось вокруг.

На обратном пути Десмонд заглянул в лавку, где продавалось женское платье, и замер там в растерянности. Ему еще в Петербурге хотелось купить для своей «рабыни» новый наряд, да Олег посоветовал не дурить: мол, кто поверит тогда, что Десмонд везет крепостную девку, подумают, чего доброго, мужнюю жену похищает против воли. Так и проделала девка весь долгий путь в одной холстинковой рубахе да тулупе: платье ее осталось валяться в баньке. Однако все, что Десмонд видел в лавке, казалось ему либо слишком вульгарным, либо мрачно-старушечьим. Наконец лавочник, раздраженный привередливостью покупателя, презрительно швырнул на прилавок русский сарафан да рубаху из белого тонкого льна. Десмонд вздохнул. Ладно, потом он купит девушке приличное платье... вроде того красного, которое дарил некогда Агнесс, бывшей своей подружке. Ох и разозлился тогда Алистер за то, что брат выставил напоказ связь с горничной! Но теперь Алистера нет, Агнесс наверняка замужем за каким-нибудь лакеем или конюхом... А Десмонд везет себе новую любовницу – и опять простолюдинку! Вот хохотали бы те, кто охотился во Франции за неуловимым спасителем аристократов, узнав, сколь низменны его эротические пристрастия!

Однако пора бы уж девушке прийти в себя. Неужто он привезет в Англию беспамятную и безвольную куклу? Да и вообще лучше было бы отдать все деньги, но избавиться от спутницы, пристроив ее здесь под чей-нибудь заботливый пригляд, а самому налегке двинуться дальше. Десмонд даже огляделся, словно прямо здесь ему мог встретиться тот добрый самаритянин. И покачал головой. Стоило только представить себе, как она очнется – совсем одна среди чужих равнодушных людей... и некому будет рассказать ей, что случилось, утешить бедняжку, ободрить на первых порах...

Он топнул, едва не свернув каблук, и зашагал еще быстрее, злясь на себя. Жалость... Честь... А ведь он даже имени ее не знает!

Войдя в свои комнаты на постоялом дворе, Десмонд увидел оживленного Клима.

– Ну вот и барин пришел! Ну, Марина, кланяйся поскорее барину в ножки, он ведь хозяин тебе и заступник! – воскликнул кучер.

И вслед за тем выволоч из угла бледное существо, которое покорно рухнуло на колени, ударившись головою в мокрый от растаявшего снега Десмондов башмак.

– Очнулась, слава те, господи, – сообщил возбужденный Клим.

Как будто Десмонд и сам не видел!

Уроки жизни

Она помнила только имя, которое почему-то вызвало неодобрение у долговязого мужика с испуганным лицом, который был при ней, когда она открыла глаза.

– Марина... – проворчал он. – Ишь чего выдумала! Вот я – просто Клим, а не Климентий. Такие имена для господ. А ты – Марьяшка!

Впрочем, он был добродушен и глядел на нее с жалостью. А потом, когда убедился, что она не дурачит его и ничегошеньки о себе сказать не может, даже имени отца с матерью и названия родимой деревеньки, Клим вовсе прослезился:

– Эка ты, девонька, горькая!

Марина рыдала безудержно. До того жутко было ей! Словно вытолкнули ее на свет из тьмы, а глаза слепые. Хватается за что-то руками, но увидеть не может.

Когда она попыталась объяснить свои чувства Климу, он ничего не понял и посоветовал не забивать голову всяческой безлепицей. Степенный кучер с радостью взял на себя обязанность ее наставника в новой жизни, однако вскоре убедился в неблагодарности этой роли. Ведь Марьяшку, оказывается, надо учить всему на свете! Пальцы ее не забыли, как плести косу, да и ложку мимо рта она тоже не проносила, но ничего другого не умела: ни, дичась, закрываться рукавом от пристального мужского взгляда, ни молиться, ни к барской ручке подойти с поклоном, ни тем паче в ножки поклониться. Отбила все колени, прежде чем Клим похвалил. А спустя малое время он убедился, что Марьяшка вдобавок разучилась щепать лучину, колоть дрова, топить печь, варить кашу да щи, смазывать барскую обувку салом...

– Ну, девка, и наплачешься ты! А уж как барин наплачется! Небось проклянет денек, когда над тобою умилился! – воскликнул Клим.

И тут же прикусил язык. Но девка так пристала с вопросами, что он буркнул:

– Ну, прилипла, как банный лист!

Почему-то при слове «банный» ее вдруг дрожь пробрала. Вскоре стало понятно почему. А также Марина узнала, что обязана неведомому барину жизнью, что кабы не он – болтаться бы ей на дыбе под кнутом, либо давиться в рогатках, либо, чего доброго, брести в Сибирь в кандалах с клеймом на лбу. Марьяшка схватилась за голову: половины слов она не понимала. Однако Клим говорил и говорил, и постепенно вырисовалась перед ее глазами картинка: она-де пошла в баню, а там на нее навалился злодей, коего она убила шайкой. Чужеземный барин, заблудившись в метели, на ту баньку набрел – и девку пожалел. Спас от неминуемой кары! Теперь увезет ее в свой заморский дворец, и там она должна будет служить ему верой и правдою, хотя Клим не представлял, чего наслужит такая косорукая.

Словом, кое-чему в жизни Марьяшка уже была научена, когда появился барин, поэтому она постаралась как можно лучше исполнить все Климовы наставления: и в ноги бухнулась, и ручку поцеловала, и благодарила за милость к ней, недостойной... И такая тоска ее взяла, словно делала она что-то чрезвычайно себе противное.

Барин оказался молод и пригож – в точности как говорил Клим. И верно, впрямь был он добрым человеком, ибо тотчас после ее поклонов кликнул какую-то девку да приказал немедля сделать для Марьяшки баню. При последнем слове ее вновь пробрала дрожь, но ослушаться она не посмела, покорно побрела в щелястый чуланчик, где приготовлена была горячая вода. Побрела с надеждой угодить барину и наконец-то увидеть загадочную шайку, которой... Однако даны были ей большие медные тазы, в коих Марьяшка и плескалась: сперва со страхом, а потом с восторгом. Верно, в былой жизни своей она сему занятию предавалась частенько! Совсем другим человеком ощущала теперь себя, а когда вытерлась, заплела косу и переделалась в новую справу, купленную добрым барином, заметила, что и прочим по нраву ее новый облик.

Клим взглянул с изумленным одобрением, а барин... Барин отвел глаза и кивнул, после чего сказал, что устал и пора спать, а Марьяшка с ужасом обнаружила, что едва понимает его слова.

– Ничего, привыкнешь! – утешил Клим, когда барин удалился. – Я же вот привык, а спервоначалу тоже был как глухой. Ты, первое дело, во всем ему угождай. И не забудь, девка... Ночь – она и есть ночь. Ну а день – он и есть день. И что бы там промеж вас ночью ни было, шибко не заносись. Днем свое место помни, будь тише воды, ниже травы, по одной половине ходи. А то потешит с девкой барин удаль молодецкую, она и возомнит о себе. Только барин-то глядь – и другую к себе позвал, а первой дал печатный пряник. Вот и вся любовь! Видал я таких... горько им. Но поведешь себя с умом, небось и выгоды добудешь. Барин добрый, ласковый, при таком живи да радуйся!

Клим испуганно смолк: барин в шелковом халате, со свечой в руке проследовал в опочивальню и оставил дверь приоткрытой.

– Ну, иди, иди! – подтолкнул девушку Клим.

– Да ты что? – испугалась она. – Я же ему спать помешаю!

– Твое счастье, коли так, – сурово изрек Клим и подтолкнул Марьяшку с такой силой, что она влетела в приотворенную дверь и едва не ударилась в барина, стоящего возле пышной постели.

Тот глубоко вздохнул, увидев девушку, а у нее отнялось дыхание. Он глядел своими светлыми, мерцающими глазами так странно, так пристально... Наверное, следовало бы заслониться рукавом, но Марьяшка только обреченно склонила голову, когда барин приблизился. А он распахнул халат и прильнул к ней. Марьяшка на миг испугалась, ощутив его горячую наготу, а потом все исчезло для нее, кроме одного желания: все ближе и теснее прижиматься к его телу.

Барин не стал ждать, пока она разберется с поясками: задрал рубаху да сарафан, а потом чуть приподнял. Голова у Марьяшки закружилась, и, чтобы удержаться, она оплела спину барина руками и ногами. Тут же она вскрикнула изумленно, ощутив в себе горячую, тугую плоть, отпрянула – но барин держал крепко и вновь прижал ее к себе... Одна мысль промелькнула в тот миг – к его телу она прижимается не впервые...

В Митаве они простились с Климом. Здесь были границы страны; вдобавок лошади устали тянуть сани по раскисшей смеси снега с песком. Клим, помнится, рассказывал Марьяшке, сколько снегу навалило в ту ночь, когда она совершила убийство. Однако для девушки его слова – что пустой звук: она по-прежнему ничего не помнила о былом. Из новых Климовых уроков она усвоила прочно лишь один: научилась просыпаться прежде барина и исчезать из его постели до рассвета.

– И думать не моги, чтоб он тебя увидел рядом поутру, – наказывал Клим. – Такое для жены аль желанной сударушки. Ты же, хоть девка и ладная да пригожая, а все же оторва последняя, прости господи. Ну за что прикончила того бедолагу? Убыло б от тебя разве? Зато жила бы сейчас дома.

Еще Клим твердил, что днем надо держаться с барином скромно, не глазеть на него. И вечером не соваться к нему, пока знака не подаст.

Марьяшка и не рвалась. Она даже от себя самой таила, что сердечко ее ежевечерне трепещет: позовет? не позовет? Он звал всегда, однако ни слова не слетало с его распаленных уст. Молчала и она. И только тяжелое, прерывистое дыхание сопровождало неутомимое любодейство. На ощупь она знала каждый изгиб его стройного тела, однако днем глаза его всегда были как лед, и губы на замке, а голос, как ветер за окном. Марьяшке никакого труда не составляло робеть, забиваться в уголок возка... и с нетерпением ждать, когда настанет ночь.

Итак, Клим отбыл восвояси, пожелав милостивому барину, одарившему кучера увесистым кошельком, божьего покровительства. Того же он пожелал и Марьяшке, сокрушавшись

тем, что та так и не приноровилась чистить господскую обувь. Слава богу, хоть штопку да шитье вспомнила!

Теперь они путешествовали в дилижансе. Сидели в длинной карете на лавках, прибитых вдоль стен, в компании с другими путешественниками. Багаж увязан был на крыше. Барин купил Марьяшке толстенный клетчатый платок, и она сидела, завернувшись в него с головой. Платок был огромный и назывался пледом.

Барин теперь язык по-русски не ломал – учил Марьяшку своей иноземной речи: ведь ей теперь предстояло навечно привыкать к чужому. И не мог скрыть удивления, сколь легко она запоминала новые слова. Через неделю, миновав без задержек Пруссию, она презрительно понимала и говорила на его языке. Однако в стране, именуемой Францией, барин изъяснялся только по-французски и настрого запретил Марьяшке звук молвить по-английски. Впрочем, несколько нужных слов она выучила и из нового языка – с прежней легкостью. Смысл почти всего, что она слышала, оказался ей понятен, и барин снова был изумлен. Но ее собственные успехи не радовали: два слова, кои милорд всегда говорил ей только по-английски, давно не звучали, и с утра до вечера она мечтала услышать: *come here*, иди сюда...

Мечтала попусту. На постоянных дворах слуги жили отдельно от господ, в плохоньких, тесных помещениях. Прислуживали господам лакеи, комнаты для постояльцев были на двоих, на троих. Некуда барину было позвать ее, и Марьяшка вся извелась, видя день ото дня лишь суровость и холод в его лице. Ночи словно бы вообще исчезли! Она лелеяла воспоминания, однако с каждой одинокой ночью, проведенной в компании каких-нибудь грубых немков или безглых французов, воспоминания тускнели, а надежды меркли.

Только тогда ожила Марьяшка, когда капитан, не желавший брать ее на корабль, все же смягчился и пустил на свое угловое суденышко. И даже предоставил «рабовладельцу» отдельную каюту. Все задрожало в Марьяшкиной душе: хоть в плавании они будут находиться день, все-таки вдруг... Правда, кровать, казалось, похожа на гроб. Через миг выяснилось, что казалось не напрасно.

– Вот здесь, – объявил капитан, – лежала прекрасная француженка, которую год назад я тайком перевозил к английским берегам. Ее спасла «Лига Красного цветка», но, увы, лишь для того, чтобы дама умерла свободной! Сердце маркизы Кольбер, надорванное испытаниями, не выдержало радости.

– Маркизы Кольбер? – изумленно воскликнул барин (его теперь следовало именовать «милорд»). – Так она умерла!

– Вы знали ее? – насторожился капитан. – Каким же образом?

– Очень простым, – печально ответил милорд. – Именно я привез маркизу из Парижа в Кале и поручил заботам следующего связного. Да... она была слишком напугана, слишком измучена, у нее не осталось сил жить.

– Неужто вы, сударь, принадлежали к лиге? – воскликнул капитан.

– Клянусь вам в этом, как перед богом, – усмехнулся милорд.

– Черт побери, вам следовало сказать сразу, сэр, тогда бы мы не потеряли столько времени и не задержались с отплытием. Мне очень хочется расспросить вас о лиге, но сейчас мое место на капитанском мостике. Меня смущает поднявшийся ветер. Да и туман, висящий над морем, мне не нравится. Не хотите ли пойти со мной? Потом я угощу вас настоящим английским портером. Вы небось наскучались по нему?

– Почту за честь и удовольствие! – весело ответил милорд и вышел вслед за капитаном в низенькую дверь, даже не взглянув на Марьяшку.

Она отошла в уголок, прислонилась к дощатой стеночке, потом села, где стояла. Сердце так болело, что Марьяшка прижала руки к груди. Ком подступил к горлу.

Плакала она долго, а барин не возвращался. Потом Марьяшка даже вздремнула, а его все не было. Фонарь под потолком едва рассеивал полумрак, хотя за круглым окошком было светло.

В каютке сделалось так душно, что девушка просто-таки места себе не находила. Ей было то жарко, то холодно, и снова подкатил к горлу ком, но то уже не слезы были, а словно бы все нутро ее взбунтовалось и рвалось наружу. Она то садилась, то ложилась. Но пол был такой сырой и холодный, что ее тут же начинала бить дрожь. Она бросила тоскливый взгляд на кровать. Барин бог весть когда вернется, а ей бы сейчас прилечь на мягоньком... И тут Марьяшка вспомнила слова капитана об умершей даме – и облилась ледяным потом от страха. А ну как и она здесь умрет?!

Марьяшка ужаснулась. Она умрет, непременно умрет, ежели пробудет здесь еще хоть мгновение! Просто задохнется! Не думая, разгневется ли барин, она дрожащей рукою толкнула дверь и на подгибающихся ногах выбралась на палубу. В первую минуту свежий воздух освежил ее и прояснил разум, но тут же порыв студеного ветра пробрал до костей. Плед-то она забыла в каюте!

Но вернуться было выше ее сил. Марьяшка знала: если она отпустит дверь, то рухнет и больше не встанет. Не только потому, что дрожали и подкашивались ноги, – вся палуба дрожала и ходила ходуном.

Мимо, не заметив ее, прошли двое: мужчина почти нес на руках даму с растрепанными волосами. Тяжелое дыхание вырывалось из ее уст, слезы катились по бледному лицу.

– Мне дурно... я умираю... – бормотала дама.

Мужчина, впрочем, выглядел не лучше, но сознание, что не она одна страдает, не утешило, а испугало Марьяшку.

А где же милорд? Что, если он упал где-нибудь в приступе внезапной болезни и некому прийти ему на помощь? Капитану небось не до него. И тут Марьяшка увидела знакомую высокую фигуру на мостике, рядом с капитаном. Ветер хлестал корабль, как бичом.

Капитан что-то прокричал. Марьяшка взглянула в ту сторону, куда он показывал. Волна нарастала над кораблем... Вдруг девушка догадалась, что капитан крикнул: «Держитесь крепче!» И в то же мгновение увидела своего милорда, который, пригнувшись, бежал к ней по палубе. Он ни за что не держался! Да его сейчас смоеет за борт!

Марьяшка выпустила спасительную дверь, кинулась к милорду и вцепилась в него. Волна накрыла их, сбила с ног, поволокла по палубе. Что-то ударило Марьяшку по голове... боль пронзила виски, в глазах смерклося...

На какой-то миг Десмонду показалось, что волна унесет их в море. Однако она ушла, оставив его мокрым до костей. На таком ветру, в январе! Надобно поскорее переодеться. Он вскочил на ноги, рывком поднял девушку, но та повисла на его руках, бессильно запрокинув голову.

О, ну как же тут не помянуть черта? Эта простолюдинка хлопается в обморок при каждом удобном случае, совсем как знатная дама. А если она опять неделю, а то и две проваляется без сознания? Кто будет за ней ухаживать – он сам? Десмонд вообразил, какое выражение лица делается у слуг, которые будут встречать его на пристани в Дувре, когда они увидят лорда с бесчувственной славянкой на руках, и против воли засмеялся. А что скажут люди его круга? Да, нелегко придется в Англии, особенно на первых порах. Впрочем, матушку его всегда считали особой со странностями, смирятся и с наследственными причудами сына...

Он втиснулся в каюту, опустил Марьяшку на кровать и с радостью увидел, как блеснули ее глаза. Благодарение богу, очнулась!

– Переоденься. Мы оба вымокли насквозь, – бросил он и, подойдя к сундуку, принялся вытаскивать оттуда сухое. Поскорее сменить белье! Хорошо бы еще растереться бренди. И не только растереться. Конечно, джентльмену следовало подождать, пока приведет себя в поряд-

док дама. Хоть Марьяшка (ну и наградила же ее господь имечком – язык сломаешь!) и простолюдинка, а все-таки особа женского пола. Но Десмонда била такая дрожь, что он не думал о приличиях. В конце концов, она не увидит ничего, что не видела или не трогала прежде. Ведь по ночам...

При воспоминании о ночах Десмонда пробил новый приступ дрожи. Они так давно не проводили ночей вместе... Зачем скрывать, что желание томило его? Конечно, он стыдился своей пылкости к крестьянке, ведь тело в такие минуты властвовало над лордом Макколом и заставляло забывать обо всем. Какая ему разница была, кто родом выше, кто ниже, когда они лежали рядом, обнимая друг друга?

Десмонд снял рубашку, но не ощутил холода. Все тело его пылало так, словно он не растерся бренди, а принял ванну из славного напитка. И голова кружилась, как после доброго глотка. Да, он пьян... пьян от желания... Через мгновение он стоял голый.

А девушка так и лежала на кровати – в мокрой одежде. Десмонд усмирил себя. Ощущать ее всем телом – это восхитительно, это добавляло хмеля в напиток страсти! Он принялся было расстегивать пуговицы на ее рубашке, но тут терпение Десмонда иссякло. Он буквально вырвал девушку из мокрых тряпок, не глядя отшвырнул их куда-то на пол.

Десмонду показалось, что она смотрит с выражением бесконечного изумления, словно не понимает, кто он и что намерен делать с нею. Конечно, она удивлена: милорд намерен заняться любовью днем. Но ему осточертело чувствовать себя воришкой в постели. Кто сможет осудить его? Если он хочет эту женщину так, как в жизни никого не хотел, с этим придется смириться всякому, кто не желает стать его врагом. Он загнал «лорда Маккола» с его английским пуританством подальше в недра души и, подхватив девушку под бедра, повлек ее к себе...

Она все так же неотрывно глядела ему в глаза, губы задрожали, и Десмонд наблюдал, как наслаждение подчиняет ее себе. Чудилось, их слившиеся взоры тоже предаются любви, и в том, что они сейчас не таились друг от друга, было нечто такое, что привело Десмонда в неистовство. Изнемогая, он рухнул на нее, простерся в блаженном бессилии...

И в это время, совладав наконец с голосом, Марьяшка тоненько выкрикнула:
– Оставьте меня, сударь! Вы с ума сошли?

Честь лорда Маккола

– Сэр, ради бога... – Капитану Вильямсу очень хотелось схватиться за голову и хорошенько ее потрясти. Может быть, тогда мысли придут в порядок и жизнь сделается такой же спокойной, каким было море при отплытии из Кале... пока внезапный шторм не взбаламутил и его, и странного пассажира.

Шторм, впрочем, улегся так же внезапно, как и возник, а вот приступ безумия, овладевший лордом Макколом, затягивался. И поэтому больше, чем свою голову, капитану Вильямсу хотелось потрясти сейчас молодого человека, чтобы наконец вразумить его. Впрочем, тот и так выглядел потрясенным, даже чересчур.

– Сэр, послушайте, – начал с самого начала капитан Вильямс, на всякий случай убирая руки за спину. – Подумайте о своем положении в обществе. Вы происходите из родовитой, почтенной семьи, вы – граф, вы – лорд.

– Я всего лишь один год лорд, но уже двадцать пять – подданный ее величества британской королевы, – буркнул пассажир.

– Да неужели вы сочли себя обязанным...

– Я не могу поступить иначе, – тихо проговорил лорд Маккол. – Она назвала меня подлецом, и видит бог, у нее есть все основания так говорить.

– Вы, помнится, рассказывали, будто в России непокорным слугам... р-раз! – и нет головы? – произнес капитан задумчиво.

Лорд Маккол помолчал, потом, криво усмехнувшись, молвил:

– Ну, я наплел всяких баек, чтобы убедить вас взять нас с нею на борт. Правда лишь в том, что я роковым образом вмешался в судьбу этой несчастной, и теперь честь моя требует, чтобы я искупил свою вину перед ней.

Капитан задумался. Мрачный взор молодого человека не на шутку встревожил его. О боже, с таким богатством, внешностью, знатностью... Впрочем, Вильямс, истый англичанин, не хуже Десмонда понимал, что самый суровый суд, которому подвергается когда-либо джентльмен, – суд его собственной совести. Ну что ж, капитан исполнит требуемое лордом Макколом. Но все-таки он сделал еще одну попытку образумить молодого человека:

– А нельзя ли, сэр, подождать до прибытия в Дувр? Там вы отыщете более компетентных людей... В конце концов, остался какой-нибудь час пути...

– Не лукавьте, капитан! Вы прекрасно знаете, что на море полный штиль, и неведомо, когда паруса вновь наполнятся попутным ветром, – укорил Маккол. – Кроме того, я сообщил о своем прибытии, меня будут встречать, и я не желаю подвергать бедную женщину новым унижениям в присутствии слуг. Они и подозревать не должны о ее прежнем двусмысленном положении!

– Бог с вами! – воскликнул добросердечный капитан, осознав полнейшую тщетность своих усилий. – Вы меня убедили, сэр. Ведите ее сюда.

Маккол не двинулся с места. Его опущенное лицо вспыхнуло.

– Не могли бы вы пойти со мной в каюту, – чуть ли не умоляюще шепнул он. – На берегу я тотчас пошлю по лавкам, но пока...

Вильямс понял. Маккол не хотел, чтобы кто-то увидел злосчастное существо, которому выпала такая счастливая карта, в отрешках.

«Зачем, зачем я дал себя уговорить и взял их на борт? – подумал он в отчаянии. – Тогда они бы не попали в шторм, от которого достопочтенный лорд спятил!»

Но ничего уже нельзя было вернуть назад. И сказать было нечего.

– Ну пойдете, коли вы уже решились... – только и буркнул капитан. И добавил мысленно: «Погубить себя». Затем, достав из шкафчика толстую книгу в кожаном переплете, вышел из каюты, стремясь как можно скорее сложить с себя тягостную обязанность.

За ним двинулся и лорд Маккол, вспоминая подавляющую сцену.

Едва услышав исполненный возмущения возглас: «Оставьте меня, сударь! Вы с ума сошли?» – Десмонд почувствовал неладное и, вскочив с постели, растерянно замер перед распростертой девушкой, пристально вглядываясь в ее лицо, сделавшееся вдруг совсем иным – гневным и оттого незнакомым.

Ничего пока не понимая, Десмонд начал торопливо напяливать на себя одежду, но мокрая ткань налезала с трудом. Не совладав со штанами, он вновь потянул их вниз... и с постели донесся исполненный ужаса вопль. Обернувшись, он увидел, что девушка сидит, поджав колени к подбородку, с расширенными от испуга глазами...

Почему он вдруг стал внушать ей такое отвращение? Или Марьяшка забыла, какая дрожь только что сотрясала ее тело, как туманились глаза? Неужели дневной свет вызвал приступ чрезмерной стыдливости?

Желая успокоить бедняжку, Десмонд развязал узелок, в котором она держала сменную рубаху, и протянул ей, мешая русские и английские слова, как изъяснялся с ней обычно:

– Cold... Ship... волны – бух! На палуба. Сухое dress надевать, Марь-яш-ка...

– Какая палуба? Что за тряпье вы мне суετε? И какая я вам Марь-яш-ка, сударь?!

Она, в точности так же ломая язык, как Десмонд, произнесла свое имя, однако все остальное было почти безупречной английской речью, и он остолбенел.

Вдруг тяжесть легла на его сердце. Годы спустя Десмонд не раз думал, что прозрение настигло его уже тогда, и если бы он дал себе труд осмыслить все странности, его жизнь могла бы сложиться иначе. Да, все могло бы быть иначе, если бы... Если бы она хотя бы позаботилась прикрыть наготу, прежде чем пускаться в дальнейшие расспросы!

– Позвольте спросить, где мое платье? – вскричала Марьяшка, сурово взглянув на него и став на колени, так что все ее дивное тело вновь открылось Десмонду.

– Его пришлось выбросить. Но не тревожься, в Англии я куплю тебе новое. И не одно, а сколько пожелаешь! – раздраженно ответил Десмонд.

О, каким облегчением было не коверкать язык в несусветных русских словах! Он улыбнулся, но не получил ответа на улыбку. Заломив бровь, девушка взглянула на него с презрением:

– В Англии? Вы? Да кто вы такой, чтобы я позволила... Поверьте, сударь, я не нуждаюсь ни в чьем покровительстве!

– Вы принадлежите мне! – рявкнул Десмонд, взбесившись от ее бессмысленной заносчивости. – Что бы вы ни говорили, что бы ни возомнили вдруг, вы – моя собственность! Советую вам помнить свое место и впредь не забываться!

Едва выговорив последние слова, он пожалел и о них, и об интонации, с которой они были сказаны. К чести его, следует добавить, пожалел еще прежде, чем девушка подалась всем телом вперед и вlepила ему пощечину.

Удар был не по-женски увесист. Десмонд едва удержался на ногах, а девушка так и рухнула плашмя, чудом не скатившись с гробовидного ложа. Ее прелестные округлые бедра оказались выше головы, и Десмонд не совладал со внезапно вспыхнувшей яростью – наградил ее увесистым шлепком. Марьяшка так и взвилась.

Десмонд усмехнулся: он слышал, что некоторые женщины безумно возбуждаются во время таких вот милых игр. Но... так не похоже на прежнюю Марьяшку. И вдруг сообразил: да ведь она не в себе! Как там, в бане. Марьяшка снова позабыла прошлое.

Марьяшка, вскочив на ноги, налетела на него, но что была ее сила против мужской силы! Он хотел привести ее в чувство, прекратить припадок безумия. И был только один способ...

Она билась, рвалась, но он вновь бросил ее на кровать, прижал всем телом. Марьяшка хрипло стонала, а Десмонд бился, утоляя свою страсть...

Он еще долго лежал, придавив слабо вздрагивающее тело. Девушка больше не вырывалась, не кричала, только тихо плакала. Слезы лились неостановимо, и щека Десмонда, прижатая к ее щеке, стала мокрой. Наконец он озяб и нашел в себе силы сползти на пол. Ноги не держали – он сел, с тупым удивлением осозная: в первый раз в жизни он не испытал никакого удовольствия. Куда горше оказалась мысль, что впервые тело этой женщины билось и трепетало не от наслаждения, а от ненависти.

Десмонд вяло принялся в очередной раз переодеваться, сам себе удивляясь: почему он ощущает себя сейчас по меньшей мере убийцей?

Надо заставить ее одеться. В каюте довольно холодно.

Десмонд набрался храбрости, поднял рубаху, валявшуюся на полу комом, осторожно подступил к постели, прокашлялся... Девушка резко села, обернулась к нему, выхватила рубаху и стремительно напялила ее на себя.

Сердце у Десмонда колотилось как бешеное, и он понял, что не на шутку испуган – испуган лихорадочно блестящими глазами, мрачным и решительным выражением ее лица. Что... что она ему скажет сейчас?

– Сколько они вам заплатили? – с ненавистью спросила она.

...Что бы ни сказал ей этот человек, Марина ему не верила. Хотя концы с концами кое-где сходились. Она-то думала, что как обмерла в его объятиях в баньке в рождественскую ночь, так и пробудилась в новой дрожи наслаждения в полутемной комнатухе, где пахло соленым ветром. Когда он овладел ею, наполняя тело восторгом, душа и ум ее металась впотьмах, не в силах осмыслить свершившееся, понять, какая страна открылась ей за уснувшими зеркальными водами Леты. Проще всего было поверить, что в баньку все-таки явился к ней черт.

Память возвращалась к ней с толчками крови, пульсирующей от наслаждения. Вот Герасим с незрячими от похоти глазами нависает над ней, вот она отбрасывает его, и голова его вдруг издает страшный треск, и от нее отлетают, как показалось обезумевшей от ужаса Марине, деревяшки... Вот какой-то сухопарый Клим учит ее кланяться в ножки, твердя, что она – смертоубивица, и кабы не добрый аглицкий барин по имени Милорд, шагать бы ей в Сибирь... Вот растерянные светлые глаза встречаются с ее глазами, жаркое тело прижимается к ее телу... Она смутно помнила, что не раз принадлежала ему, он владел ею как бы по праву, а ей и в голову не восходило отказывать...

Теперь этот человек уверяет, что она была в забытьи, себя не помнила, а поскольку первая встреча их случилась в баньке, вдобавок одета Марина была самым убогим образом, он и принял ее за деревенскую девку, готовую на все. Еще он твердит, будто желал спасти ее от расплаты за свой же грех – убийство Герасима. Что заботится о ее благе, намеревается даже в Англию забрать с собою. И там она будет жить...

– Кем жить? – спросила Марина ехидно. – Прислугой? Игрушкой вашей? А ну как прискучу? Тогда на улицу?

Мужчина отвернул надменное лицо, на которое Марина взирала с отвращением. А ведь в баньке ей он пришелся по сердцу... Но теперь она помнила одно: унижение, которое испытала только что по его вине, когда он брал ее силою. И не сомневалась: все, что он плетет, – ложь.

На самом деле было так: она пошла гадать в баньку, и ее выследил Герасим. «Заблудившийся лорд» (да, Россия – извека страна чудес, но чтобы английские лорды шатались в богом забытой глуши...) пришел раньше и оболстил Марину. Нет, она признавала, что не противилась ему. А какая женщина устояла бы? Теперь-то ей понятно, что он – гнусный наемник, за деньги готовый на любую низость, но тогда откуда ей было знать? Нет, она снова сбилась с мысли...

Итак, «лорда» подкупили ее тетка с дядюшкой – в том у Марины не было сомнения. Немало авантюристов попало в Россию в те времена: бесчисленные французские «графы» да «маркизы», якобы бежавшие от гильотины, были просто искателями легкой наживы. Мог затесаться среди них один англичанин? Вот и затесался на Маринину погибель. Очевидно, тетушка с дядюшкой рассудили, что чем большее расстояние отделит племянницу от дома, тем лучше. Поэтому выбор злодеев-опекунов, решивших оставить за собой богатства бахметевские, и пал на «лорда». Он получил немалые деньги, попользовался девичьей доверчивостью, прикончил не вовремя явившегося Герасима, что было единственным его добрым делом, а потом увез Марину, опаивая ее каким-то зельем и внушая, будто она – холопка, годная лишь прислуживать и ублажать своего господина...

Марина так вонзила ногти в ладони, что едва не закричала от боли. Но боль отрезвила ее и удержала от единственного, чего страстно хотелось сейчас, – убить разбойника, злодея, погубителя ее жизни. Довольно и того, что в России о ней теперь идет слух как об убийце. Княжна Марина Бахметева убила лакея и сбежала, убоившись правосудия... Нелепость! Хотя клевету тетка с дядей могут распустить всякую.

Как же они объясняют исчезновение племянницы? Марина невесело усмехнулась: да кто о ней спросит? Все небось и забыли о ее существовании.

А все из-за этой английской голи перекаточной, воровского «лорда», который намерился поправить свои обстоятельства ценою чести, жизни безвинной девушки! Но Марина умирала поток гневных мыслей. Все-таки он не убил ее, хотя и мог. И с собою забрал, не кинул на обочине беспамятной.

Она взглянула в угол, где сидел, устало понутив плечи, «лорд». И тут же осенило: не дурак, вот и не убил! Какой подарок был бы опекунам: найти племянницу мертвой и пустить погоню по следу убийцы! Они – неутешны, они – чисты, они получают баснословные бахметевские богатства. А его – на правож. Не поверят ведь, что он был подкуплен...

И вновь уныние овладело Мариной. Нечего и думать – ему противиться. Какая же силища скрыта в его худощавом теле! Если он опять... Нет, она никогда больше по своей воле...

Зачем он вдруг встал? Марина приоткрыла рот, готовая закричать...

Конечно, над всем, что Марьяшка... нет, Марина... тут наплела, посмеялся бы всякий здравомыслящий человек, однако Десмонд почему-то поверил ей сразу, лишь только услышал из ее уст почти безупречную английскую речь. Теперь понятно, почему «Марьяшка» оказалась столь способна к изучению иностранных языков – и столь бездарна как прислуга. Ей ведь и самой всю жизнь служили – и звали, конечно, не Марьяшкой, а Мариной Дмитриевной, вашим сиятельством, княжной! А он-то...

Олег тоже хорош – не признал свою соседку. Хотя он, помнится, говорил, что барышню держат в строгости... не видел ее давно... Господи, ну за что она виноватит Десмонда?! Он ведь хотел спасти ее! И почему-то мысли не возникло пойти и объяснить недоразумение перед хозяевами имения. Да он просто-напросто не в силах был расстаться с этой красотой, внезапно открывшейся ему посреди вьюжной, хмельной ночи. Словно бы среди сугробов расцвел вдруг цветок... в сердце его расцвел!

Никогда не надо подавлять первых побуждений! Захотелось застрелиться, узнав, что обесчестил русскую княжну, силою увез из родного дома и продолжал бесчестить в течение нескольких недель, – вот и надо было тотчас же стреляться. Теперь был бы избавлен от объяснений. Да и что тут можно объяснить? Что их первая встреча в очередной раз доказала правоту великого Сервантеса, сказавшего: «Между женским „да“ и „нет“ иголка не пройдет!»? Но истинный джентльмен скорее откусит себе язык, прежде чем скажет благородной даме: вы, сударыня, хотели меня так же, как я вас! Нет, она помнит лишь то, как он насиловал ее сегодня. И хуже всего, что жгучий стыд уживался в его душе с отчаянием. Не будет больше сладостных вздохов, нежности лона. Ох, как она уставилась на его бедра, какой ужас в этих глазах!

Ничего. Он загладит свою вину. Есть только одно средство спасти ее честь и свою – жениться. Но... что начнется дома?! И тут же Десмонд вспомнил: ничего не начнется, потому что «начинать» некому. Да, он теперь сам себе господин, и никто не посмеет ему возражать, даже если он явится в родовой замок Макколов в сопровождении целого гарема. Нет, его родне и фамильным привидениям бояться нечего: он привезет с собою всего лишь... жену. Леди Маккол.

Он выпрямился, расправил плечи и проскрежетал:

– Прошу вас оказать мне честь и стать моей женой!

Бог весть, чего Десмонд ожидал после этих слов... Обморока, рыданий... Если бы она кинулась ему на шею... Кажется, еще ни о чем на свете он не мечтал так страстно – и так напрасно. Ибо девушка, сузив глаза, отпрянула и прошипела в ответ:

– Да я лучше умру!

...На море по-прежнему царил полный штиль. Прежде капитану Вильямсу только слышать приходилось о таких внезапных переменах погоды, тем паче – в исхоженном вдоль и поперек Ла-Манше. Он знал, что моряки, желая в шторм провести корабль в какую-нибудь укромную бухточку, выливают на взбунтовавшиеся волны несколько бочек масла. И чудилось, некая всевластная рука проделала то же самое со всем проливом, усмирив бурю внезапно и бесповоротно. Море стояло, как неподвижное стекло, великолепно освещаемое закатным солнцем.

Так гнусно на душе у Вильямса не было с тех пор, как он бросил тело злосчастной маркизы Кольбер в море. Найти упокоение в родимой земле она не имела возможности, а в чужой, английской, – не захотела, вот и завещала свое тело морским волнам, которые, может быть, коснутся когда-нибудь любимых французских берегов. И ведь похороны случились приблизительно в этом месте! Проклятое, заколдованное место...

Капитан покосился на лорда Маккола, идущего рядом. Подбородок выпячен, плечи развернуты, голова вскинута – вид надменный и уверенный. Никто не угадает, какие кошки скребут на душе у молодого, красивого, богатого – и столь злополучного человека. Вот живое подтверждение высказывания, что блестящая наружность и блестящее положение в обществе никого не делают счастливым.

И с этой мыслью капитан Вильямс вошел в единственную пассажирскую каюту на пакетботе, в которой ему предстояло совершить нечто столь несусветное, что он малодушно предпочитал думать, будто спит и видит сон.

Он ожидал узреть девицу, рыдающую над потерей своей чести, однако довольную предстоящим браком с высокородным джентльменом. Представлялось ему и алчное лицо авантюристки, с трудом скрывающей восторг, что в ее сети попал человек с таким положением и богатством. Однако от картины, ему открывшейся, Библия вывалилась у капитана из рук и с грохотом ударилась об пол – картина напоминала не приготовления к бракосочетанию, а скорее сценку из жизни дома умалишенных. Обмотанная обрывками простыней по рукам и ногам, к кровати была привязана полуголая девушка. Лицо ее наполовину скрыто тряпками, а глаза сверкали отчаянием и ненавистью.

– Немного странный наряд для невесты, вы не находите, милорд? – выдавил капитан Вильямс.

– Вы правы, капитан. Мне он тоже не по вкусу. Однако ничего другого я не могу ей предложить. Впрочем, не сомневайтесь: едва мы окажемся в Дувре, моя жена получит лучшее из того, что найдется в тамошних лавках, а уж в Лондоне на Бонд-стрит она может устроить истинную оргию покупок.

Тело на кровати слабо забилося... Слова «моя жена» вызвали у девушки ярость! Но почему? И тут его осенило: похоже, она не хочет выходить замуж! Но ведь это удача для милорда, зачем же он...

– Обряд венчания предполагает слова «да» или «нет», сказанные женихом и невестой, – сухо промолвил Вильямс. – Сдается мне, я услышу от дамы только «нет», а потому позвольте мне откланяться и вернуться позднее, когда вы договоритесь получше.

– Получше мы не договоримся, – покачал головой Маккол. – Моя невеста заявила, что скорее умрет, чем выйдет за меня замуж. Ну а я скорее умру, чем смогу жить с пятном на моей чести и совести. Прошу вас отступить от правил... и обвенчать нас.

– Но я не могу, не могу... – в совершенной растерянности забормотал капитан, подхватывая с полу Библию и пятясь к двери. – Я совершенно не могу...

– Можете, – успокоил его Маккол, заступая путь и выхватывая из-за борта сюртука пистолет. – Видите? Он заряжен. Поэтому, капитан...

Вильямс вытаращил глаза. Не от испуга, нет! От безмерного удивления. И ему внезапно сделалось жаль безумца, который напоминал обреченного, который угрожает смертью своему палачу, требуя, чтобы тот поскорее отрубил ему голову.

– Вы, сударь, спятили, – сказал капитан сердито. – Извольте, я исполню вашу волю. Спорить с сумасшедшим? Слуга покорный! Мне только хочется узнать, что вы предпримете для того, чтобы леди сказала вам «да»?

– Сейчас узнаете, – кивнул Маккол, перехватил пистолет левой рукой, а правой дернул какую-то завязку, сорвав ткань с лица девушки.

Она глубоко вздохнула, но прежде, чем хоть один звук вырвался из ее рта, Маккол с ловкостью фокусника выхватил из-за пояса еще один пистолет и уткнул ей в висок. Девушка содрогнулась – и замерла с приоткрытым ртом, устремив на Вильямса остановившиеся от страха глаза.

– Вы... вы не посмеете... – пробормотал капитан.

– Хотите рискнуть? – усмехнулся Маккол, и Вильямс увидел, как дрогнул его палец на спусковом крючке. – Девиз нашего рода: «Лучше сломаться, чем склониться!» Клянусь, я убью ее на ваших глазах, и виновны будете вы.

– Как так? – опешил Вильямс.

– Ну вам же хочется поглядеть, хватит ли у меня решимости, – невозмутимо пояснил Маккол. – А я человек азартный. Ради того, чтобы свою правоту доказать, пари на выстрел заключал. Поэтому, если вам угодно...

– Нет! – хрипло выкрикнул капитан, ненавидя себя за малодушие.

– Вот и хорошо, – кивнул Маккол. – Венчайте нас, да поскорее. А если вам кажется, что на один из вопросов леди ответит «нет», пропустите этот вопрос.

Но она ответила «да». А что ей еще оставалось делать?

Леди Маккол

– Ну, миледи, прошу прощения, вы уж скажете... Кринолин! Да последний кринолин, думается мне, попал на гильотину вместе с ее французским величеством Марией-Антуанеттой! Разве вы не заметили, что ни кринолинов, ни фижм теперь не носят?

Глаза дамы так сверкнули, что мисс Грейс, модистка, прикусила язычок. Все-таки ей платят не за то, чтобы она подкалывала своих клиенток, даже если они являются к ней поздним вечером, одетые в неопишное тряпье. Ну, предположим, все было так, как говорит кузен дамы: в Кале перед самым отправлением пакетбота на них напали французские разбойники и украли весь багаж, обчистив путешественницу буквально до нитки. И времени хватило лишь на то, чтобы купить у первой попавшейся простолюдинки самую убогую одежду и белье. Но ведь и правда, кринолины, пудренные парики, туфли на высоких каблуках, шнурованные корсажи вышли из моды уже сто лет... в смысле, лет пять, не меньше! И шляпы, на полях которых можно разместить цветочную или фруктовую лавку, тоже!

Похоже, у дамы украли не только белье и платье, но и половину памяти. А лучше бы взяли хоть часть ее строптивости! У мисс Грейс то и дело возникало ощущение, будто леди едва сдерживается, чтобы не вклеить ей пощечину.

Модистка бросила взгляд на сопровождающего даму кузена и мечтательно прищурилась. Улыбка милорда способна околдовать кого угодно, и он прекрасно знает о собственной неотразимости. Как печально, что такой обходительный джентльмен в родстве с истинной дикаркой! Мисс Грейс не проведешь: никакая она ему не кузина, а обычная вульгарная содержанка. И чем она его привлекла? Сложена, конечно, премило, хотя и не очень грациозна. Ну а ее манеры... Да господь с ней, можно и потерпеть: ведь заплачено по-королевски!

И, воздев на лицо улыбку, модистка вновь принялась рассказывать о том, что юбки верхние шьют с подборами, а нижние из кисеи, и непременно нужно закупить кашемировых остиндских шалей. Она сейчас же пошлет за ними, чтобы можно было выбрать дюжину подходящих по цвету...

Марина слушала ее почти с отчаянием. Конечно, ей нужны были и новое красивое платье, и шаль. Но зачем так много?! Она всегда мечтала о роскошных нарядах, но сейчас, когда мечта воплощалась в явь, вдруг растерялась. Зачем Десмонд Маккол, с которым ее обвенчал запуганный капитан, тратит время и деньги на ее туалеты? Хотя деньги-то он может себе позволить тратить, ведь она принадлежит ему со всем своим состоянием!

Марина не сомневалась, что они отправятся в обратный путь через пролив на первом же судне, а потом помчатся в Россию, чтобы «лорд» мог завладеть бахметевским наследством. Однако еще на пакетботе, после ужасного бракосочетания, Маккол сообщил, что они незамедлительно отправятся в его замок, поскольку его ждут неотложные дела. А затем сухо произнес:

– Вы мне не верите, а потому вам не понять, почему я поступил именно так. Честь диктует свои законы... Для вас они, кажется, пустой звук, однако теперь вы – честная женщина. Более того, по законам божеским и человеческим вы принадлежите мне, и я имею на вас все права. И тем не менее сейчас я не приказываю, а прошу вас. Готовы ли вы выслушать мою просьбу?

Опять-таки – что ей оставалось делать? Она же была связана, и пистолеты «лорд» не убрал. Прохрипела – «да» и услышала вот что.

– Титул свой я получил совсем недавно: унаследовал после смерти старшего брата. Правильнее сказать, трагической гибели. Срок траура уже кончился, однако родственники мои, знакомые, соседи, прислуга, арендаторы – все еще подавлены случившимся. И мое появление будет нарушением приличий, кощунством. Дело даже и не в том: я должен найти убийцу брата, и любой скандал может стать мне помехой. Поэтому предлагаю: наш вынужденный брак оста-

ется тайным. Вы приедете в Маккол-кастл под своим именем, и я представлю мисс Марион Бахметефф как свою кузину.

– Ну, если вы каждому будете тыкать в висок пистолетом, тогда люди и поверят, – хмыкнула Марина. – Чушь какая! Вы – англичанин, я – русская...

– Все не чушь, – перебил «лорд», убирая пистолет. – Я наполовину русский, моя покойная матушка была вашей соотечественницей. Я пытался объяснить вам, что возвращаюсь из поездки, связанной с русским наследством, а вы и слушать не стали. Но речь о другом. Итак, я представлю вас племянницей матушки, скажу, что пригласил вас погостить в обмен на гостеприимство, оказанное мне. Возможно, кому-то совместное путешествие кузенов покажется не вполне приличным, однако... однако это лучше, чем то, что произошло в действительности.

У Марины дыхание сперло от ужасного воспоминания. Ишь, задумался о приличиях! Да никогда в жизни она не станет ему потворствовать! Он же насильник, разбойник! Пусть не ждет от нее...

– Погодите, еще не все! – торопливо сказал Маккол, понявший по вспышке ее глаз, какой ответ его ожидает. – Итак, вы будете жить в замке, и спустя некоторое время я стану проявлять к вам романтический интерес. Конечно, сейчас вы ненавидите меня, но кто знает, может быть... через некоторое время мы обвенчаемся по всем правилам, и, хотя перед богом мы уже муж и жена, станем таковыми и перед людьми. Но если ваша ненависть окажется сильнее разума и обстоятельств, мы... мы расстанемся. Причем вы сможете потребовать от меня всего, чего пожелаете, в возмещение причиненного вам ущерба. Я все исполню. И даже если вы пожелаете, чтобы я застрелился на ваших глазах... Нет, не сейчас! – торопливо прибавил он, увидав, какой надеждой расцвело вдруг ее лицо. – Но потом, скажем, через полгода, когда найду и покараю убийцу Алистера, я уплачу вам любой штраф, какой вы захотите. Нечего и говорить, что я не прикаснусь к вам, а буду вести себя как почтительный родственник.

Тут он запнулся, и Марина готова была поклясться, что он с трудом удержался, чтобы не сказать: «Разве что вы меня сами попросите». И его счастье, что не сказал!

– Сегодня тридцать первое января, – продолжил Маккол, – значит, тридцать первого июля я или женюсь на вас по вашей воле, или по вашей воле умру. Ну, вы согласны?

– Да! – в восторге вскричала она. – О, да!

Жаль, капитан Вильямс ее не слышал...

Куда проще соглашаться, чем спорить. Вот так всегда бывает в жизни: пойдешь на одну уступку, а она оказывается лишь первым звеном в нескончаемой цепочке других.

Едва увидев берег Дувра, покрытый снегом, она почувствовала интерес к неведомой земле, ощутила нетерпение: хотелось поскорее сойти на берег... чтобы через полгода наконец получить награду за все страдания, которые она перенесла по милости Маккола, этого лгуна, этого...

Усилием воли она усмирила гнев, вновь вскипающий в крови. Что проку злиться? К тому же если он и лгун, то не во всем: вот ведь и впрямь стоит близ пристани карета, от нее идет высокий человек в плаще, подает руку Макколу, помогая сойти на берег, кланяется, бормоча:

– Милорд, я счастлив видеть вас, позвольте...

«О боже, значит, он и в самом деле лорд?!» – изумилась Марина.

– Полно, Сименс, – перебил его Десмонд. – Я знаю все, что вы можете мне сказать. Лучше помогите леди. Мисс Бахметефф, рекомендую: Сименс, камердинер моего отца, затем брата, затем... очевидно, мой.

– Я служу только милордам.

На бритом, устрашающе брдастом лице высокого, статного, весьма почтенного и невозмутимого господина не отразилось ничего, хотя он наверняка отметил вопиющее убожество одеяния Марины. Десмонд через совершенно подавленного капитана купил у какой-то пасса-

жирки старый-престарый плащ – именно тогда в первый раз пошла в ход байка о французских разбойниках.

– Мисс Бахметефф – моя кузина, племянница покойной матушки. Она поживет у нас некоторое время, – сообщил Десмонд, и Сименс покорно поклонился Марине.

Может быть, у него и были какие-то вопросы, однако он не посмел их задать. Правда, при упоминании леди Маккол его лицо слегка смягчилось, и Марина подумала, что выдуманное родство может сослужить ей неплохую службу. А вот интересно, какую гримасу скорчил бы невозмутимый лакей, узнай он истинный титул «кузины»?

– Миледи, – отвесил новый поклон Сименс. – Какая жалость, что я не знал о вашем прибытии. В гостинице заказали только один номер...

– Не стоит извиняться, – ответил Десмонд, и у Марины подогнулись ноги. – У вас будет время заказать еще одну комнату и ужин на двоих: мы с мисс Марион намерены сейчас же проехаться по здешним лавкам. Не так ли, кузина?

И она снова сказала «да».

...Ни свет ни заря Марина во всем новом – платье, шляпке, шали, меховой накидке, чулочках, ботинках – сидела у окна дорожной кареты, запряженной восьмеркой лошадей и стремительно летящей по дороге в Лондон. Спала она как убитая, а после весьма обильного завтрака, состоявшего, как и ужин, из жареной говядины, картофеля, пудинга и сыра, они отправились в путь.

Как разительно переменилась жизнь Марины. Пожалуй, только черти могли занести ее сюда на коровьей шкуре... а все же она в Англии, о которой ей все уши некогда прожужжал мистер Керк. Пожалуй, Марине все-таки есть за что благодарить ужасных тетку с дядюшкой – некоторые пункты отцовского завещания они исполняли свято. Марина имела хороших учителей, в имение присылались новейшие книги и газеты, что в значительной мере скрашивало ее унылую, печальную жизнь. Она прочла даже Ла-Портов «Всемирный путешественник, или Познание Старого и Нового Света» во всех его двадцати семи томах, и сейчас ее не оставляло ощущение, что она не впервые видит эти холмы, покрытые темным лесом, и глубокие долины с журчащими ручьями, и вечно смеющееся море, иногда мелькавшее за лесом. Еще не стемнело, когда впереди, в тумане, они увидели Лондон. Сердце Марины так и забилося. Конечно, зрелище живого города никак не напоминало ту гравюру, по которой они столько раз «гуляли» с мистером Керком, когда он рассказывал о достопримечательностях, а все-таки она узнала купол собора Святого Павла, который гигантом вставал над всеми другими зданиями. Через несколько минут взору открылось Вестминстерское аббатство, а затем и другие церкви и башни, парки и рощи, окружающие Лондон... Город изумлял своей огромностью: тут все было колоссально-величаво, неизмеримо, беспредельно.

Марина с удовольствием вспомнила, как Десмонд предупредил Сименса о том, что они задержатся в Лондоне не меньше чем на два дня. Мисс Марион придется посетить Бонд-стрит, ибо с ее багажом произошла неприятная история... ну и так далее.

Сумерки сгустились, синие силуэты таяли в вечерней синеве. И вдруг – Марина ахнула – то там, то здесь засветились фонари. Оказалось, что их здесь тысячи, и, куда ни глянешь, везде пылали светильники, которые вдали казались непрерывной огненной нитью, протянутой в воздухе. Не сдержав удивления, она всплеснула руками.

– Восхитительно, не правда ли? – послышался негромкий голос за ее плечом. – Несколько лет назад некий прусский принц прибыл в Лондон. В город он въехал ночью и, видя яркое освещение, подумал, что город иллюминирован для его приезда.

Марина хотела пропустить реплику Десмонда мимо ушей, но вдруг вспомнила, что она за день ему и слова не сказала. Сименс небось уже голову ломает над странными отношениями кузенов, наверное, делает скидку на русскую дикость. Ну и шут с ним! Так ничего и не сказав, она снова уткнулась в окно, однако карета уже остановилась перед отелем.

Следующие два дня и впрямь увенчались оргией покупок. А до тридцать первого июля осталось уже на четыре дня меньше!

Родственники и родственницы

Они двигались на запад, и дыхание моря становилось все ощутимее.

– Я бы предпочел корабль, – сказал Десмонд Сименсу, – быстрее, удобнее...

– И опаснее, – добавил тот.

Марина не могла не согласиться. Ужас и безнадежность, пережитые во время шторма, порою воскресали в душе, и она думала, что природа славно подшучивала над ней в последнее время: в ночь ее похищения выдалась устрашающая выюга; для того, чтобы к ней вернулась память, был устроен внезапный шторм; а для того, чтобы Маккол мог закрепить свои права на нее, наступил столь же внезапный, почти неестественный штиль. Надо думать, тридцать первого июля будет иметь место настоящее светопреставление. Звук и вспышка одинокого выстрела просто-таки потеряются в грохоте и блеске молний, а струя крови будет мгновенно смыта ливневым потоком. На меньшее Марина была не согласна! Пока же она предпочитала, чтобы сияло солнце.

Ей никогда не случалось задумываться о свойствах своего характера; сама она считала себя существом довольно унылым, хотя порою и вспылчивым до безобразия. В жизни ее было так мало радости и любви, что она научилась ценить самые малые их проявления, и даже в дождливый, промозглый октябрьский день ее способен был привести в восторг и умиление желто-алый кленовый лист, прилипший к стеклу, словно последний привет усталого солнца. Особенно желанным было двадцатилетие – далекая звезда, знамение освобождения.

Теперь же прибавилась еще одна, более близкая звездочка – тридцать первое июля. Мелькнула мысль, что Маккол откажется исполнить обещанное, однако Марина тут же отогнала ее. Пусть попробует! И вообще – это когда еще будет! А пока – надо радоваться каждому дню, внезапному путешествию в диковинную страну Англию, обилию нарядов в баулах, великолепию погоды... Январь на дворе, постоянно напоминала себе Марина, когда глядела на свежую зеленую траву, в которой там и сям вспыхивали под солнцем журчащие ручейки: в них превратился мимолетно выпавший снежок.

Дорога становилась оживленнее. Близ нее виднелись сады, огороды, жилища. Марина смотрела во все глаза. Ее очаровали сельские домики с соломенными крышами, оплетенные розами и плющом до самой кровли и густо осененные деревьями. Постепенно дома делались внушительнее. У них были красные черепичные крыши, и люди, стоявшие на крылечках, казались одетыми лучше, чем простые селяне. Они приветливо махали проезжающей карете, и Марина заметила, что Десмонд иногда машет в ответ.

«Какие приветливые здесь люди, – подумала она, не удержавшись, чтобы, в свою очередь, не помахать очаровательной девчужке с волосами, как белейший лен. – А кузен-то небось возомнил, что они его встречают. Ну в точности тот немецкий принц, который вообразил, что фонари в его честь горят!»

– Мы есть близко, – вдруг обратился к ней кузен, и Марина вздрогнула от неожиданности: тот заговорил по-русски. Очевидно, чтобы не понял Сименс, скромно притулившийся на боковом сиденье. – Просить вас хорошо себя вести с мой дядючка, тетучка и мой слуги. Понимайте?

– Понимайте, – обреченно кивнула Марина. – Значит, и у вас тоже имеются дядючка и тетучка? Никакого от них спасения! О господи, не могла я, что ли, попасть к другому лорду, сироте круглому?!

Десмонд воззрился вопросительно, и Марина поняла, что сказанное ею – за пределами его понимания.

– Потерплю, – отмахнулась она. – Но ты мне за все заплатишь!

– О, yes, – пробормотал Десмонд, и Сименс, напряженно вслушивавшийся в непонятную речь, облегченно вздохнул, услышав знакомое слово.

– Арендаторы с нетерпением ждут приезда вашей светлости! – сделал он широкий жест к окнам, и Марина воззрилась на машущих людей с изумлением: никак они и вправду приветствуют Маккола? Неужто он не врал, и вокруг – его земля?

Запыленная карета, влекомая разгоряченными лошадьми, описав круг, остановилась у высокого крыльца. Вышел Сименс, затем Десмонд подал руку Марине. Она сошла, как во сне, не чуя, куда ступает, видя лишь купол, венчающий фасад, а за ним – башни, поднимающиеся до высоты огромных деревьев, освещенных заходящим солнцем. Настоящий замок! Как на картинках! Крепость, но изящная, легкая. Восхитительный, роскошный замок сказочных фей!

Марина так увлеклась созерцанием, что не заметила, как на крыльцо высыпали люди. Мелькали алые с позолотой ливреи – это кланялись бесчисленные лакеи в белых паричках. Затем заколыхались, ныряя в реверансах, черные платья горничных. Служанки показали Марине все на одно улыбающееся лицо: миленькие, розовощекие, белокурые. Лишь одна из них оказалась черноглазой брюнеткой, смуглой и яркой. Марина невольно задержала на ней взгляд и встретилась с напряженным, немигающим взглядом, который, впрочем, тут же обратился на лицо милорда и зажегся тем же восторгом, каким горели глаза других слуг.

Десмонд улыбался, смеялся, пожимая руки, что-то быстро говорил... Марина глядела разинув рот. Да ведь она и не предполагала, что он умеет улыбаться!

– О, Агнесс! – воскликнул вдруг Десмонд, оборачиваясь к девушке, стоящей поодаль, к той самой брюнетке. Теперь она держала глаза потупленными, а руки скромно прятала под накрахмаленный передничек. – И ты здесь? Я-то думал, что застаю тебя уже замужем.

– Как милорд мог подумать такое, – не поднимая глаз, прошептала Агнесс, и каждое слово ее сделалось слышно благодаря полной тишине, внезапно установившейся вокруг. Все взоры были устремлены на них двоих, и Марина вдруг поняла, что присутствующим до смерти любопытно услышать каждое слово разговора.

– Ну, не прибежняйся, Агнесс! – Десмонд приподнял за подбородок опущенное личико. – Я-то помню, скольким парням ты вскружила головы!

– Быть может, милорд помнит, что мне никто не был по сердцу, кроме... – Агнесс больше ничего не сказала, только вскинула яркие глаза, но по толпе слуг пронесся вздох, словно все услышали невысказанное.

Она хотела сказать: «Кроме вас!» – вдруг поняла Марина. – Да она же влюблена в него! Она от него без ума!»

Грудь Агнесс вздымалась так часто, что Десмонд не мог не обратить внимания. Глаза его сползли от влажных, манящих глаз к пухлым приоткрытым губкам, к свежей шее, с видимым интересом уперлись в неистово колышущуюся грудь, словно Десмонд всерьез задумался: выдержит черное платье такой напор или порвется?

А Марина вдруг почувствовала, что задыхается. Все-таки горничная на постоялом дворе зашнуровала корсет слишком туго. А ведь она раньше никогда не носила корсетов, талия у нее и без того тонкая и грудь, слава богу, наливная. А вот у Агнесс, можно поклясться, грудь выпирает лишь потому, что девчонка затянута не в меру. А все на нее уставились, словно только и ждали бесплатного представления! Пусть Маккол и не солгал, что владеет замком, но... Настоящий лорд никогда не позволит себе так заглядеться на горничную. Надо это прекратить. Он выставляет себя посмешищем!

Марина уже двинулась вперед, но замерла на полушаге, ибо на крыльце показалось странное существо.

Даже юродивым в веригах и цепях, даже полуголым нищим было далеко до особы, выбежавшей на крыльцо, мелькая серебристыми шелковыми туфельками из-под серебряного парчового платья, которое распирал самый широкий кринолин из всех, виденных когда-либо

Мариной. Платье сверкало под солнцем, слепило глаза, однако все же нельзя было не заметить, что кое-где оно протерлось, и прорехи не зашиты, и оборвалась отделка, и обтрепалось кружево. И вообще – платье кое-как напялено и даже не застегнуто на спине, прикрытой длинными лохмами полуседых волос и рваной, замусоленной фатой. И эта жуткая невеста пропищала дребезжащим, пронзительным голосом:

– Брайан! О мой ненаглядный Брайан! Наконец-то ты вернулся ко мне!

Чучело кинулось на шею Десмонду, который, против Мариного ожидания, не грянулся оземь, не кинулся прочь, а весьма нежно сжал сухие лапки, цеплявшиеся за него, и сказал так ласково и тихо, словно утешал плачущее дитя:

– Нет-нет, дорогая Урсула, я не Брайан, увы. Посмотри на меня внимательно!

– Не Брайан? Нет? – пролепетало странное существо.

Залитые слезами глаза в набухших морщинистых веках трогательно уставились на молодого человека – и вдруг улыбка вошла на сухие, дрожащие уста:

– Ты... Десмонд! Мой маленький Десмонд! Ты вернулся!

– Да, я вернулся. Как же я мог не вернуться к лучшей тетушке в мире?

Он звучно расцеловал пергаментные щечки с толстым слоем румян, и старая дама засмеялась. Смех ее напоминал звон колокольчиков, и Марина вдруг ощутила, что и у нее глаза наполняются слезами.

«Это и есть „тетучка“, – поняла она. – Ну что ж, довольно мила. А при таком племяннике спятить немудрено! И „дядюшка“ тоже не в себе?»

Вышеназванный не заставил себя ждать. На крыльцо выскочил высокий сухощавый джентльмен и замер, и всплеснул руками:

– Так ты приехал!

– Разумеется, – пожал плечами Десмонд, и нежная улыбка, с какой он смотрел на тетушку, уступила место довольно-таки ехидной. – Очень рад видеть тебя, Джаспер.

«Непохоже», – подумала Марина. Впрочем, непохоже было, что и «дядюшка» рад племяннику. И он очень старательно делает вид, что его застали врасплох. Ведь прекрасно знал о том, что приедет Десмонд, зачем же комедия... «А ведь он терпеть не может моего милорда!» – догадалась Марина.

Она с интересом взглянула на Джаспера Маккола. Лет под пятьдесят, сухой, как жердь, лицо какое-то желтое, плывущий взор очень светлых глаз, небрежно уложенные полуседые волосы, но все еще довольно красив. Портил его только почти срезанный подбородок.

– Десмонд! – Новое восклицание заставило Марину вздрогнуть и разогнало напряжение, воцарившееся, пока дядюшка и племянник молча мерили друг друга неприязненными взглядами.

На крыльце стояла женщина, и первым чувством Марины при виде ее было изумление: еще одна брюнетка! Девушка сбежала с крыльца, солнце заиграло в ее волосах, и Марина увидела, что они не черные, как у красотки Агнесс, а темно-каштановые. Незнакомка была необыкновенно изящна и миниатюрна. На одном из ее пальцев сверкал изумительный бриллиант. У нее были огромные голубые глаза, точеные черты, зовущий рот. Пурпурная шаль, красиво задрапированная вокруг стана, бросала теплый розовый отсвет на ее лилейные щеки.

Марина вдруг ощутила себя простушкой в своем новеньком муаровом платьице соломенного цвета, покрытом испанским кружевом, с гирляндой фиалок на подоле. А ведь еще утром оно казалось ей восхитительным, и Марина вполне вошла в образ красивой, кокетливой, богатой кузины. А теперь обнаружила, что смотрит на незнакомку с тем же испуганно-завистливым выражением, с каким смотрели все остальные женщины, от старушки Урсулы до горничных. В том числе Агнесс, глаза которой наполнились слезами, когда незнакомка вдруг оказалась в объятиях Десмонда.

Девушка едва доставала ему до середины груди, и Марина почувствовала себя не только невзрачной, плохо одетой, с тусклыми русыми волосами, но и верстой коломенской к тому же. И ей почему-то захотелось плакать...

– Джессика, – пробормотал Десмонд, обнимая хрупкие плечи, обтянутые сверкающим черным шелком. – Я не ждал увидеть тебя здесь...

Красавица рыдала, будучи не в силах справиться со слезами. Деликатный Сименс, словно заботливый пастух, погнал в дом прислугу, всюю глазевшую на господ. Агнесс шла последней, все время ревниво оглядываясь, и Сименсу пришлось втолкнуть ее в дверь.

– Ты приехала встретить меня, Джессика? Как мило, – продолжал бормотать Десмонд, и Марина подумала, что никогда еще не видела его столь озадаченным.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.